СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2012 | май

интеллектуальный диалог

ГОСКОМПАНИЯ: БЕСПРЕЦЕДЕНТНОЕ РЕШЕНИЕ

риски и возможности

стр. 2-16

БИРЖА РЕСУРСОВ

Владимир Макаров: стр. 4

«Это первый шаг к созданию в нашей гигантской стране «третьей столицы» — сырьевой. Она должна стать в ближайшие 10-15 лет значимой не только для России, а для Евразии в целом. Как Торонто для Северной Америки…».

НЕ СДЕЛАЕМ МЫ — СДЕЛАЮТ ЗА НАС

Александр Левицкий: стр. 7

«Сейчас для нас актуальнее успеть договориться «здесь и сейчас». Причём не только внутри края, но и с соседями — с Иркутском, Бурятией, другими. Восстановить межрегиональное взаимодействие. И предъявить своё корпоративное видение процессов развития».

ЛЕСОПАТОЛОГИ В ДЕЛЕ

Владимир Солдатов: стр.11

«Старый лес надо рубить в первую очередь, сохраняя молодые деревья. Так делают в Америке, в Канаде: рубят по состоянию, начиная с проблемных насаждений. А у нас вырезают тот лес, который доступнее, невзирая на состояние».

ГЛУБОКО КОПАТЬ

Павел Мандрыка: стр. 15

«Считается, что юг края —рай для археолога. Мол, если он больше всего изучается (точнее, про это больше всего рассказывают СМИ), значит, он больше всего интересен. Но настоящий Клондайк сибирской археологии находится на севере».

ПРОЕКТЫ ЖДУТ СВОЕГО ЧАСА

Василий Слонов: стр. 16

«Предлагаю дерзкий проект: демонтаж всей рекламной дряни с улиц города — за его пределы. В итоге получится два произведения — наш чистый город и не имеющий мировых аналогов рекламный парк… Потомки скажут «Спасибо»….»

«Существуют десятки такого рода территориальных корпораций, развитие которых используется в управленческой практике как механизм для решения различных задач. То есть это стандартная форма развития территорий, давно придуманная и эффективно используемая.

В российской истории такие примеры тоже есть. Когда в 19 веке создавался Владивосток, для его скорейшего развития городу был присвоен статус порто-франко — порта, пользующегося правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Статус этот действовал с 1861-го по 1909-й год: таможенные пошлины и тарифы были гармонизированы с задачами быстрого развития города…»

Пётр Щедровицкий — о том, что не надо бояться

стр. 8

Информация о проекте создания госкомпании по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока появилась на сайте газеты «Коммерсант» 20 апреля (kommersant.ru/doc-y/1919404). Достаточно сухой комментарий содержал, тем не менее, все используемые в дальнейших обсуждениях этой новости эпитеты: мегакорпорация, беспрецедентно комфортные условия работы, особый порядок предоставления прав пользования недрами и лесными ресурсами, масштабные налоговые льготы, аналогичные Сколково (нулевая ставка налога на прибыль, на имущество организаций и на землю), выведение из-под контроля органов федеральной и региональной власти и подчинение исключительно президенту и т.д.

Разумеется, публикация имела резонанс. Прошли пресс-конференции (причём в Москве, а не в Сибири и на Дальнем Востоке), последовали критические оценки, посыпались предположения (преимущественно на тему — кто возглавит госкомпанию: Шувалов, Грызлов?)...

Необъяснимым выглядит тот факт, что новость о невиданном, революционном преобразовании Сибири не вызвала ажиотажа здесь, на месте развёртывания действий. Конечно, незамеченной она не прошла, но СМИ ограничились сообщениями, а широкая общественность либо не заинтересовалась, либо остаётся не в курсе.

Сегодняшний выпуск — предложение начать в Красноярском крае активное обсуждение этой темы всеми влиятельными организациями и персонами. Экспертные мнения, которые представлены в номере, надеемся, не «закроют вопрос», а, напротив, максимально громко его зададут .

Это наша с тобой биография

Начать с инфраструктуры

Принято считать, что идея создания госкомпании принадлежит Сергею ШОЙГУ. В любом случае — говорят о ней в коридорах власти с прошлого года, и, например, в докладе «О задачах и мерах по повышению инвестиционной привлекательности регионов Сибирского федерального округа», который делал первый заместитель губернатора — председатель правительства Красноярского края **В.П. ТОМЕНКО** (совещание с участием регионов СФО, Белокуриха, 21 марта 2012 г.), предложение о создании такой структуры было в списке желательных мер.

Но здесь мы хотим привести список основных инфраструктурных проектов, которые сибирские регионы считают ключевыми и реализации которых ждут:

>> Развитие транспортной инфраструктуры зоны БАМ в Забайкальском крае;

>> Комплексное развитие железнодорожной инфраструктуры южного пути Транссибирской магистрали;

>> Завершение строительства автодороги «Абакан — Большой Ортон — Таштагол», соединяющей автодороги М-54, М-53 и М-52;

>> Строительство в Томской области Северной широтной дороги;

>> Строительство Северо-Сибирской железнодорожной магистрали;

>> Строительство скоростной железной дороги «Новосибирск — Томск»;

>> Строительство автомобильного обхода г. Кемерово.

По мнению В.П. Томенко, корпорация развития Сибири в качестве первоочередных мер могла бы заняться реализацией именно этих инфраструктурных проектов.

Учитывать контекст

Если кому-то кажется, что решение проблем Сибири способом создания управляющей компании с безграничными полномочиями — чересчур смело, то на самом деле на этот счёт есть и более радикальные предложения. Например, ещё пару лет назад Герман СТЕРЛИГОВ на своём сайте опубликовал открытое письмо Медведеву и Путину с предложением — начать продажу российской территории за Уралом, пока у нас её не отобрали даром. Население эту идею, по его мнению, только поддержит, если провести референдум и задавать следующий вопрос: хотите ли вы переехать в Центральную Россию в готовый дом, с дворовыми постройками, скотиной и техникой. Всё — вам в собственность + 30 Га земли.

Конечно, эта абсурдная идея — фантазия одного человека, тем не менее условия проживания россиян за Уралом, действительно, выглядят удручающе по сравнению с другими регионами *(см. таблицу)*.

Прорабатывать детали

Дать юридический комментарий законопроекту — задача, пожалуй, наиболее сложная, поскольку юристам требуется официальный документ, а текст закона пока в Госдуму не представлен и существует только в виде обсуждаемой в министерствах «рыбы». Тем не менее учёные Юридического института СФУ высказали предварительные замечания по тем пунктам, которые обязательно должны войти в окончательный текст законопроекта (*полные тексты экспертных заключений — в электронной версии газеты*).

П.А. ПОЛИТАХИН, к.ю.н., доцент кафедры трудового и экологического права

>> Данный Закон может быть эффективным, если он будет основан на государственной Программе развития Сибири и Дальнего Востока. Программу надо разработать на основе экономических законов, действующих на макроэкономическом уровне (для государственного влияния на процессы формирования кооперации) и микроэкономическом (для участников кооперации). В ней необходим полный перечень участников общего проекта и проектов, объединенных кооперацией. Кооперация должна обеспечить весь цикл производства: от проектирования объектов производственной инфраструктуры, обеспечения собственной производительной силой (машиностроение, коммуникации, оборудование и т.д.) и технологиями глубокой переработки сырья.

>> Целесообразно предоставить госкомпании статус основного звена в этой кооперации и стимулировать развитие кооперации как постоянного бессрочного процесса. Можно предоставить госкомпании полномочия по распределению выделенных ей из госсобственности природных ресурсов между участниками кооперации.

>> Органом управления кооперации может стать её Правление, сформированное из руководителей форм участников всех проектов без отрыва от основной деятельности. Население территорий может участвовать в управлении в форме Попечительского совета, возглавляемого председателем правительства РФ и губернаторами субъектов Федерации Сибири и Дальнего Востока.

>> Статьи закона, регулирующие земельные отношения, институт сервитута должны содержать отсылочные нормы.

Е.И. ПЕТРОВА, к.ю.н., зав. кафедрой трудового и экологического права

Гарантии и компенсации всегда рассматривались как способ привлечения трудовых ресурсов, выравнивания уровня жизни населения Сибири, Дальнего Востока, Севера по сравнению со средним уровнем жизни населения в Российской Федерации за счёт предоставления дополнительных льгот и преимуществ.

Если с этих позиций оценить положения главы 5 законопроекта о развитии Сибири и Дальнего Востока, то следует отметить бедность перечисленных в ст. 43 мероприятий, которые должны быть направлены на обеспечение трудовыми ресурсами работодателей, участвующих в реализации приоритетных инвестиционных проектов.

Например, предлагается осуществлять оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту работы при переселении и переезде. Во-первых, норма сама по себе не новая. Она предусмотрена ст. 326 ТК РФ в отношении работников Крайнего Севера и приравненных к нему местностей. Более того, ТК, в отличие от ст. 43 рассматриваемого Закона, регулирует такие компенсации, которые важны для любого человека в случае переезда на работу в другую местность. Так, установлена оплата стоимости проезда не только работника, но и членов его семьи. Учитывая то обстоятельство, что члены семьи могут переезжать позже самого работника, в ТК предусмотрено правило о том, что право на оплату стоимости проезда и стоимости провоза багажа членов семьи сохраняется в течение одного года со дня заключения работником трудового договора в организации в определённых местностях. Присутствует в ст. 326 ТК ещё одна норма с «человеческим лицом». Это — предоставление оплачиваемого отпуска продолжительностью семь календарных дней для обустройства на новом месте.

В рассматриваемом законопроекте отсутствуют нормы, регулирующие особенности исчисления страхового стажа работников. Было бы полезно вернуться к правилам кратного исчисления стажа, существовавшим до 2002 г., чтобы привлечь трудовые ресурсы в малообжитые районы.

Не упоминаются в законопроекте вопросы оплаты труда, например, сохранение районных коэффициентов и наличие процентной надбавки к заработной плате. Будет ли это регулироваться по образцу действующего сегодня трудового законодательства, либо разработчики проекта предполагают иное регулирование? Не ясно!

Законопроект не закрепляет гарантии работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, если имеет место прекращение статуса участника приоритетного инвестиционного проекта (ст. 11).

Как будут сочетаться действующие нормы о государственных гарантиях и компенсациях с вновь предлагаемыми положениями о привлечении трудовых ресурсов? Гарантии будут сохранены и усилены, либо такое сохранение не предусмотрено? Ответов нет.

Гарантии и компенсации должны быть на порядок выше существующих ныне. Они должны также отличаться последовательностью и преемственностью в правовом регулировании, чтобы в соответствии с ними человек мог планировать свою жизнь в указанных регионах и знал, на что имеет право рассчитывать. В противном случае он останется «крайним».

Вообще, хотелось бы отметить, что законопроект больше направлен на привлечение иностранных трудовых ресурсов. Возможно, это оправдано. Однако следовало бы подумать о закреплении существующего кадрового состава Сибири и Дальнего Востока и о заинтересованности проживающей там молодёжи оставаться в этих районах для осуществления трудовой деятельности.

А пока данные Росстата показывают удручающую картину. Объявленная Программа переселения соотечественников в Приморье потерпела крах: в 2006 г. по ней планировали привлечь 18 млн человек, а на деле за шесть лет в край из-за рубежа приехали жить три тысячи человек. Для сравнения: население Приморья только за год уменьшается на 15 тыс. человек.

А.В. СУСЛОПАРОВ, к.ю.н., старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права

Согласно законопроекту госкомпания по своему статусу является юридическим лицом, с другой стороны, по отдельным вопросам её статус отличается от статуса «обычных» юридических лиц.

В частности, в ч.1 ст.28 законопроекта закреплено, что органы государственной власти и местного самоуправления «не вправе вмешиваться в деятельность» Государственной компании. Использованная формулировка нуждается в уточнении. При широком толковании она исключает возможность любого контроля со стороны государства в отношении компании, в том числе проведения надзорных мероприятий.

В п.13 ч.1 ст.29 законопроекта закреплено право компании осуществлять подготовку проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации. В то же время, подготовка проекта таких актов возлагается на одно или несколько структурных подразделений федерального органа исполнительной власти с учётом их функций и компетенции (п.4 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утв. Постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009). Соответственно, в п.13 содержится или некорректный термин, или на компанию возложено полномочие, которое до этого вправе были осуществлять только федеральные органы исполнительной власти.

Согласно п.4 ст.6 законопроекта контроль за соответствием участником приоритетного инвестиционного проекта целям проекта, правилам проекта, требованиям закона осуществляет госкомпания. Участник инвестиционного проекта ставится в зависимое от компании положение.

За компанией закреплён очень обширный перечень функций, которые касаются как реализации инвестиционных проектов, так и реализации государственной политики в сфере социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Возможно, это связано с тем, что пока не определён конкретный перечень приоритетных инвестиционных проектов, остаются вопросы, чем будет заниматься компания на практике. Всё это ставит вопрос о границах деятельности компании и о её полномочиях.

Е.С. ЕФРЕМОВА, к.ю.н., преподаватель кафедры коммерческого, предпринимательского и финансового права

Законопроектом вносятся изменения в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации, в соответствии с которыми организации, получившие статус участника приоритетных инвестиционных проектов на территории Сибири и Дальнего Востока, освобождаются от обязанности налогоплательщика по НДС, налогу на прибыль, налогу на имущество организаций, земельному налогу. При этом соответствующие положения о льготах сформулированы таким образом, что позволяют налогоплательщику выводить из-под налогообложения результаты всей деятельности, а не только связанной с реализацией приоритетных инвестиционных проектов. Фактически это может означать создание оффшорной зоны на территории Сибири и Дальнего Востока, для такого шага требуется серьёзное экономическое обоснование и ясные механизмы, позволяющие исключить злоупотребления и обеспечить экономическую безопасность соответствующих регионов.

В соответствии со статьями 6,7 законопроекта, юридическое лицо получает статус участника приоритетного инвестиционного проекта с момента включения его в реестр участников с соблюдением ряда условий, одним из которых является заключение соглашения с Государственной компанией развития Сибири и Дальнего Востока. Компания также уполномочена принять решение о досрочном прекращении статуса участника приоритетного инвестиционного проекта (ст.11). Таким образом, решение вопроса о предоставлении или не предоставлении налоговых льгот будет зависеть целиком от сотрудников указанной компании, формы государственного контроля или общественного контроля закон не прописывает. Отсутствие «прозрачного» механизма контроля за предоставлением и использованием льгот участникам приоритетных инвестиционных проектов делает возможным злоупотребления как со стороны чиновников компании, так и со стороны участников проектов.

Н.Л. КЛЫК, к.ю.н., доцент кафедры коммерческого, предпринимательского и финансового права

Едва ли возможна эффективная действенность будущего закона «О развитии Сибири и Дальнего Востока» без тщательной предварительной проработки вопроса об источниках поступления инвестиций и, прежде всего, в виде технологий от иностранных инвесторов.

(Для комментария авторы пользовались текстом законопроекта, доступным в Интернете — apn.ru/publications/article26477.htm)

Сравнение социально-экономических показателей Москвы и Дальнего Востока

	Москва	Дальний Восток
Расходы бюджета на душу населения (руб. в год)	147 023	64 502
Среднемесячная начисленная зарплата одного работника (руб.)	43 547	29 421
Средний размер назначенной пенсии (руб.)	8 893	10 870
Средние цены на первичном рынке жилья (руб./кв. м)	127 300	49 600
Прожиточный минимум (руб.)	9 128	9 541
Стоимость минимального набора продуктов питания (руб.)	2 829	3 609
МРОТ (руб.)	10 400	4611-9500
Уровень безработицы (% от численности экономически активного населения)	1	8
Численность врачей на 10 тыс. населения	77,6	55,8
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. нас.	1503	2061

Источник Росстат (данные за 2010-2012 годы), расчёты «Власти» (подробнее: kommersant.ru/doc/1930145)

Газета «СИБИРСКИЙ ФОРУМ. Интеллектуальный диалог», № 4 (22) от 21 мая 2012 г.

Учредитель — ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю 30 ноября 2009 г. Регистрационный номер ПИ № ТУ 24–00157
Адрес редакции, издателя: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, строение 6, каб. 3–11, т. (391) 206-28-76,
e–mail: newspaper@sfu–kras.ru //Главный редактор: В.М. Ефанова // Фотограф: А. Омышева
Распространяется бесплатно. / Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. // При использовании материалов газеты ссылка на издание обязательна.

// Отпечатано в ООО «Новая Типография Красноярск»
// г. Красноярск, ул. Шахтёров, 33
// Подписано в печать 17. 05. 2012 г.
по графику — 20.00, фактически — 20.00
// Заказ №001029 // Тираж 5000 экз. //

Преференции должны быть у всех

Не так давно стало известно о проекте создания на территории России Госкомпании по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока. Данная некоммерческая организация будет подчиняться напрямую президенту РФ, при этом 16 регионов страны предполагается вывести из-под действия федеральных законов о недрах, лесах, земле, градостроительстве, трудовой деятельности и гражданстве. Фактически речь идёт о том, что на половине территории страны будет установлен особый правовой режим. Столь ошеломительное известие крайне взволновало общественность. Высказываются различные, в том числе и полярные, точки зрения. Сегодня своими мыслями по поводу нового проекта делится председатель Союза промышленников и предпринимателей Красноярского края Михаил Геннадьевич ВАСИЛЬЕВ.

— Как воспринял местный бизнес известие о возможном создании Государственной компании по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока?

— Настороженно, поскольку та информация, которая была опубликована, недостаточна, чтобы сделать какие-то серьёзные оценки. Самого проекта закона ещё нет. В Думу он не поступал и в соответствующих органах не рассматривался. Пока есть лишь намерение принять такой законопроект: министерство экономического развития России направило в правительство проект документа, который ещё только может стать законопроектом. А может и не стать. Поживём – увидим. Но если судить по комментариям тех людей, которые этот текст видели, их мнение неоднозначно.

— Значит, текст существует?

— Да, он существует, но это не текст законопроекта. Это то, что написали в ведомстве НАБИУЛЛИНОЙ. О чём там идёт речь? О создании государственной структуры, которая бы занималась развитием и освоением территорий и полезных ископаемых Сибири и Дальнего Востока. Именно эту идею озвучил ШОЙГУ несколько месяцев назад в разговоре с ПУТИНЫМ.

— А до этого времени территории за Уралом неэффективно развивались?

— Видимо, да. Мы с вами здесь живём, и вряд ли нашу жизнь можно признать комфортной, удобной, хорошей и счастливой, в том числе, и потому, что темпы развития Сибири отстают от темпов развития России.

Более того, всё наше развитие сводится к освоению конкретных источников природных богатств. Ведь когда говорят об «освоении территорий», имеют в виду строительство городов, развитие посёлков, создание комфортной среды для населения. А когда мы говорим про добычу полезных ископаемых, то там никакого освоения нет – нашли что-то, поставили буровую, откачали, уехали.

И в этом смысле трансформация идеи госкорпорации — от декларации намерений до появления документа — честно скажу, меня пока не радует, поскольку я не очень понимаю, ради чего это всё затеяно. Ради увеличения доходов федерального бюджета через увеличение экспорта полезных ископаемых? Это одна цель. Если это затеяно для того, чтобы развивать наши территории, то это другой процесс.

— Кем будет составляться перечень приоритетных инвестиционных проектов?

— Он будет приниматься по решению правительства, и в этом есть определённый субъективизм. Кто-то получит преференции, а кто-то нет. А чем плохо ныне действующее предприятие в городе Красноярске или там, не знаю, в Богучанском районе, которое не войдёт в этот перечень проектов и не получит эти преференции? Это неравенство, эта недоступность определённых льгот и более комфортных условий для ведения бизнеса, конечно, вызывает тревогу. И ещё: какими бы ни были критерии отбора, туда точно не войдёт малый и средний бизнес. Другими словами, у нас будет нарушен святой порядок конкуренции, который в теории рыночной экономики является главным и краеугольным. Опасения такого рода люди высказывают, и пока нет понимания того, как это всё будет делаться.

— Наверное, в интересах страны следовало бы все местные бизнесы вовлечь в создаваемую корпорацию?

— Ещё когда осваивалась Сибирь, когда сюда с запада на восток шли сначала служивые люди, а потом те, кого сейчас смело можно назвать предпринимателями, у них были серьёзные поблажки и льготы по сравнению с теми, кто жил в Центральной России. И сегодня суть вещей не изменилась — дальнейшее развитие и освоение сибирских территорий возможно лишь в том случае, если дать определённые преференции всем, кто сюда приезжает.

Это касается, ну, например, подоходного налога для населения. Это касается налога на прибыль и на имущество, которое создается здесь предпринимателями. Это касается каких-то преференций по поводу местного строительства, по поводу тарифов на электричество.

Но родилось то, что родилось.

— Будет ли при принятии закона учитываться мнение местного населения?

— Процедура принятия федеральных законов такова, что в местное Законодательное Собрание, в нашем случае — Заксобрание Красноярского края — проект закона придёт лишь тогда, когда правительство его внесёт в Государственную думу. И будет выдан срок для оценки. Обычно это от 15 до 45 дней. За это время нужно будет организовать здесь достаточно серьёзную публичную дискуссию в рамках Законодательного Собрания с тем, чтобы попытаться оценить и просчитать там, где это возможно, какие-то последствия этого проекта.

— Экспертов привлечь.

— Да, конечно! И я полагаю, что эта работа будет делаться. Но будет ли срок достаточным для того, чтобы это мнение высказать и сформулировать? И будет ли политическая воля у Государственной думы все эти мнения регионов учесть и с учётом этих мнений скомпилировать финальный текст документа? На эти вопросы мне ответить сложно.

— Вы говорили, что в инвестпроекты местный малый и средний бизнес точно не войдёт. А почему?

— У нас уже есть опыт работы с крупными компаниями, которые занимаются освоением природных ресурсов.

Они очень мало заказов размещают на той территории, где добывают ресурсы. Как правило, приезжают компании, уже готовые к жизни, укомплектованные и работниками, и оборудованием, и технологиями. И очень малая толика падает на заказы для местных предприятий. Опыт такого рода мы имеем в проектах, например, «Роснефти» на Ванкорском месторождении и в проектах строительства в Кодинском и Богучанском районах. И пока опыт этот лишь отрицательный для наших предпринимателей.

Второе. На действия этой корпорации не будет распространяться действие ряда федеральных законов, которые регулируют инвестиционную деятельность, деятельность по строительству, по освоению и добыче полезных ископаемых.

Это значит, что месторождения могут распределяться не по конкурсным процедурам, которые сегодня действуют в стране, а какими-то особыми решениями, которые будет принимать либо президент, либо правительство. Процедура попадания в эти проекты нигде не прописана.

И те, кто будет эти проекты осуществлять, не связаны никакими обязательствами по поводу приобретения на конкурсной основе каких-то местных товаров, услуг и технологий. Поэтому здешней промышленности от компаний, осваивающих эти месторождения, ждать пока нечего.

— Как-то печально всё для нас получается.

— Я бы не сказал, что печально. Но и поводов для особого оптимизма тоже нет. Печаль — это нормальное состояние для любого действующего экономиста, потому что — чему радоваться-то? Просто надо учитывать возможные риски, возможные негативные последствия, и пытаться их преодолеть, если будет такая возможность.

Позитив сформулирован в самой задаче госкорпорации: дальнейшее освоение и развитие территорий Сибири и Дальнего Востока. И с этим никто не спорит.

Но, как известно, дьявол кроется в мелочах. И под этим лозунгом дальнейшего развития или ускорения развития могут прятаться какие-то совершенно непонятные процедурные вещи, которые могут закончиться ничем.

Я вам напомню, что в своё время в целях развития инвестиционной деятельности в России указом Бориса ЕЛЬЦИНА была создана компания «Госинкор» («Государственная Инвестиционная Корпорация России»), которая просуществовала 7-8 лет. Потратили там полтора миллиарда долларов, ничего, собственно, не привлекли, и «успешно» она была ликвидирована в начале двухтысячных годов.

И подобный опыт есть не только у нас, в России. Есть американский опыт администрации долины реки Теннесси в тридцатых годах прошлого века. Там тоже был создан некий аналог корпорации, о которой мы сейчас говорим — была создана администрация, которая подчинялась непосредственно Сенату, президенту Америки, но они при этом взаимодействовали с региональными администрациями, они их усиливали. Помогали финансово. Они подписывали с ними какие-то соглашения, договорённости, это была возможность совместного решения локальных проблем и задач.

А у нас получается так, что на половине России прекратит действие ряд федеральных законов, во Владивосток приедет некая команда чиновников, которая будет решать — где и что развивать и строить. Это естественным образом вызывает опасение.

Для сравнения — если к вам в квартиру подселится незнакомый вам человек, который начнёт её перепланировать так, как ему хочется, я не думаю, что вы к этому отнесётесь спокойно. Как минимум, вы поинтересуетесь, что он там собирается сделать. И вот подобного диалога пока в этих документах не прописано.

— Ну да, в прессе проект сравнивают с деятельностью Ост-Индской компании, а ведь это вообще семнадцатый век.

Да неважно какой век! Просто есть разные задачи и проблемы. Ост-Индская компания была в своё время создана для развития торговли колониальными товарами…

— Для эффективного грабежа, я бы сказала.

— Ну, грабёж это или освоение — в разные века употреблялись разные термины. Но задача была — добыть, погрузить, увезти. В метрополию. И если этот опыт пытаться перенести на госкорпорацию, то это плохой опыт в нашем случае.

Здесь возникает другой вопрос: инфраструктурные проекты, которые корпорация будет осуществлять, они будут заключаться в чём? В том, чтобы построить железную дорогу для вывоза руды из того места, где её будут добывать, до того места, где её будут продавать? Или всё-таки мы будем строить и развивать локальную автомобильную сеть дорог, опорную сеть, чтобы она дала возможность развития этой конкретной территории? Это ведь разные подходы. И на то и на другое нужны будут деньги.

Денег, пишут, будет там немеряно — тридцать с лишним триллионов рублей может быть освоено через работу этой корпорации за 25 лет её существования — на этот срок её предполагают запустить.

А что такое пятилетний срок, в течение которого корпорация должна выйти из проектов, которые она софинансирует? Очень мало у нас крупных проектов, которые бы укладывались в пятилетний срок. И в этом смысле тоже возникает резонный вопрос — а осуществимы ли эти сроки? Освоение любого месторождения в пятилетний срок подразумевает очень жёсткие рамки, и что будет, если в них не уложатся? Потом, если выходить из проекта, значит, его нужно продать частнику. Но купят ли его? Здесь возникают темы, которые можно будет обсуждать лишь тогда, когда мы увидим текст документа о госкомпании.

— У Советского Союза пятилетние планы, говорят, были весьма скрупулезно прописаны… Неплохо было бы позаимствовать тот опыт.

— На самом деле, и сейчас мы уже переходим к таким планам. Они ещё не сильно напоминают советский опыт, но всё равно, какие-то сроки уже закладываются — «Программа развития до 20-го года», до 30-го года. Вопрос в инструментарии. Ведь советский порядок предполагал очень жёсткое планирование и очень жёсткий контроль за исполнением, а как это будет реализовано сейчас, трудно сказать. Потому что из-под обычного контроля деятельность корпорации, на первый взгляд, выведена.

— Но ведь должны быть какие-нибудь контролирующие органы?

— Президент.

— Но ведь этого недостаточно?

— Почему, это достаточно серьёзный контроль. И потом не забывайте про Счётную палату, её деятельность тоже заложена. Хотя, как правило, она «бьёт по хвостам» — когда что-то случилось. А ведь контроль должен быть многостадийным. Контроль не только на той стадии, когда всё уже потратили и ничего не построили, а контроль с того момента, когда ещё только собираемся что-то делать. У нас ведь не так много денег в России, чтобы можно было их направо-налево разбрасывать.

И я всё-таки сторонник того, чтобы Сибирь получила внутренний импульс для развития за счёт условий, отличных от тех, что существуют на европейской части России. Это очень важный момент.

И об этом мы всегда говорили в дискуссиях по поводу будущего Сибири. А не о том, что к нам приедут чужие люди со своим уставом и будут строить в нашем «монастыре» свою жизнь.

Вот тогда появляется чёткое ощущение колониального подхода.

— Местные жители чувствуют свою особость. При переписи, например, многие в графе «национальность» указали — «сибиряк».

— Я знаю об этом, и, насколько я понимаю, это сильно напрягло федеральный центр. Потому что когда это переходит из разряда шуток в самоидентификацию, и когда человек подчёркивает, что он не в России живёт, а в Сибири, то что за этим стоит? Люди стали ощущать свою ущербность в смысле отношения к нам федерального центра. Они чувствуют нежелание центра понимать особость Сибири.

А ведь львиная доля федерального бюджета формируется от доходов, генерируемых сибирскими, восточными регионами! И на этой территории проживает всего лишь порядка тридцати миллионов человек, что с точки зрения геополитического развития, безусловно, недостаточно и неправильно.

— Кстати, в Канаде даже неработающим индейцам в резервациях выплачивают приличное пособие. А мы чем хуже индейцев?

— Мы точно не хуже индейцев, но вряд ли ту часть населения, которая относит себя к креативному классу, удовлетворит роль животного, которое где-то там в стойле будут кормить, лишь бы оно никуда не лезло. К людям можно по-разному относиться, но прежде всего нужно видеть в них людей. Не ресурс для развития нефтяной или газовой провинции, а именно людей, для которых это освоение и происходит!

Мы всё-таки сейчас трансформируемся как гражданское общество, и в этом смысле, дискуссия, которая начинается в разных слоях общества, всё равно будет продолжаться. Судьба Сибири — один из предметов такой дискуссии. С точки зрения понимания роли и места в судьбе страны — либо мы сырьевой придаток, либо место, на котором может начаться новое развитие России в целом.

— Скажите, что бы вам лично хотелось добавить в проект госкорпорации?

— Я сейчас могу судить только на основе тех комментариев, которые я читал по поводу этого текста.

Там точно необходимо, чтобы была связка и согласование с региональной властью тех решений, которые будут приниматься. Без ведома регионов говорить о каком-то согласованном и понятном для нас развитии территорий, на мой взгляд, просто невозможно. Технология согласования между центром и регионом безусловно должна быть.

Второе. Я считаю, что у компаний, которые эти проекты будут осуществлять, конечно, пусть будут привилегии по отношению ко всем остальным, но и «остальным» тоже нужно от этой политики, от этой деятельности что-то иметь. Нужно делиться.

Возьмём, например, свободные экономические зоны. Там все без исключения — резиденты и имеют абсолютно равные возможности. Если мы с вами туда заехали, и у вас, и у меня нулевые ставки по таможне, по прибыли, по чему-то ещё. Но мы знаем, зачем мы туда пришли и что мы там делаем.

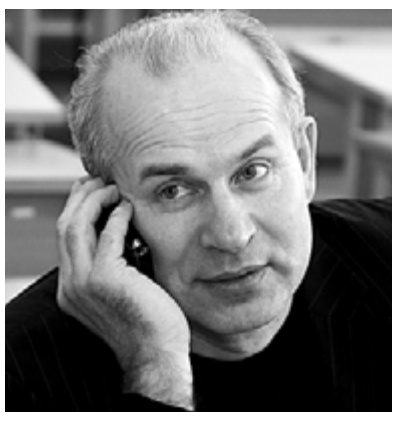
А если у нас будут «беленькие», будут «черненькие», «серенькие», то ничего хорошего из этого не выйдет. Ну и, конечно же, нужна дискуссия по поводу того, о каких проектах идёт речь, что это за проекты.

Елена НИКИТИНСКАЯ
Фото Людмилы ШОСТАК

СИБИРСКИЙ ФОРУМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ
МАЙ 2012 Г.

Горная свобода

Скудная и разрозненная информация о создаваемой госкомпании по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока породила немало опасений, ожиданий и предположений. Пожалуй, только об одном не спорят и сторонники, и противники этого проекта — он изначально в первую очередь ориентирован на освоение природных ресурсов означенного региона. Что же мешает этому освоению сейчас и как может исправить положение создаваемая государственная компания? Об этом мы говорим с директором Института горного дела, геологии и геотехнологий Сибирского федерального университета Владимиром МАКАРОВЫМ.



— Я воспринимаю идею позитивно, какова бы ни была её окончательная судьба. Это осознание в верхних эшелонах власти того, что если медлить в освоении природных ресурсов данного региона и дальше, то для России Сибирь и Дальний Восток будут потеряны. Цифры народонаселения этой громадной территории говорят сами за себя: Якутия — 800 тысяч человек, Красноярский край — 2,8 млн человек, весь Дальневосточный федеральный округ — 6,5 млн человек… А рядом граница с Китаем, откуда может просто произойти «диффузия» населения.

Последовательные шаги, которые государство предпринимало по освоению этих удалённых территорий (кстати, последний из них — создание федеральных университетов — осуществлён на наших глазах), теперь надо подкреплять центрами развития бизнеса, сырьевого в том числе.

Сейчас сырьевым комплексом, ресурсами, выдачей лицензий на разработку всех видов полезных ископаемых (кроме общераспространённых — вроде песка, гравия, глины) занимается Москва со сложившимся кругом «влияющих лиц». Передача этих функций новой госкорпорации, думаю, «обрубит» все старые связи, лобби, да и что там говорить, — запутанные и далеко не прозрачные схемы. Это шаг, который позволит активизировать доступ к лицензиям. Шутка ли: получить сейчас месторождение на эксплуатацию или участок под геологическое изучение? Это два-три года, а то и более, плюс всякие ограничения, охраняемые территории и т.д., и т.п. От кого их охранять? И для кого? Если численность населения в той же Якутии 800 тысяч человек… Надо подходить к этому с точки зрения здравого смысла.

— Вы верите, что расположение штаб-квартиры новой госкомпании во Владивостоке, а не в Москве, сможет принципиально изменить ситуацию? Тем более, что в руководители ей прочат отнюдь не регионального лидера — а то первого вице-премьера Игоря ШУВАЛОВА, то бывшего спикера Госдумы Бориса ГРЫЗЛОВА…

— Если всё останется как есть, перспектив динамичного развития минерально-сырьевого комплекса не просматривается. Состояние с геологоразведкой и госзаказом на геологоразведочные работы хуже некуда, если честно. Сейчас, например, создана госкорпорация «Росгеология», все государственные предприятия, уцелевшие от приватизации, собрали в кучу — и опять с центром в Москве! Понимаете, вся геология и перспективы прироста запасов здесь, а рулят из Москвы. И есть обоснованные опасения, что значительная часть финансов до отдалённых регионов и реальных проектов просто не дойдёт.

Из 25 млрд рублей бюджета воспроизводства сырьевой базы Российской Федерации Красноярский край на разведку твёрдых полезных ископаемых в прошлом году получил всего 120 млн! Край, который производит больше всех золота, платиноидов, меди, никеля, кобальта, угля и проч.

У нас колоссальнейший регион по минеральным ресурсам, но их надо восполнять. Например, в крае и Тыве стартовал проект строительства железной дороги Курагино — Кызыл, а мы, к сожалению, судим о сырьевом потенциале прилегающих к ней территорий по геологическим материалам 60-х, 70-х годов. Мне не понятно, почему в полосе вдоль этой дороги ещё не ведутся поисковые работы. Надо выполнять масштабную геологическую переоценку и ревизию ранее выявленных рудопроявлений. Продолжительность только региональных работ в 200-километровой полосе вдоль дороги составит около 6-7 лет, учитывая сложный рельеф и труднодоступность территории. Для разведки и освоения новых рудных объектов надо добавить ещё 3-4 года. Мы уже на протяжении последних пяти лет предлагаем МПР начать эти работы, но там на нас не обращают внимания. Госкомпанию, думаю, этот проект заинтересует, учитывая её нацеленность на комплексное развитие территорий и создание точек притяжения капитала. Создание госкомпании, надеюсь, станет и первым шагом к упрощению порядка лицензирования, принятию более либерального горного кодекса или Закона о недрах в стране.

— Правильно ли я понимаю, что создание госкомпании будет полезным в том случае, если она упразднит значительное количество вредных «наростов» в сфере принятия решений в недропользовании?

— Практически это мог бы быть полигон для отладки и принятия новых решений и вообще новых подходов в законодательстве о недрах, лесе, воде и прочем…

Вот нам часто говорят: вы слабо развиваете малый бизнес в Красноярском крае — в Москве он составляет 20-25%, а у вас 2-3%. А почему так происходит? Поле нашей деятельности — это лес и недра, но с нашим законодательством влезть малому бизнесу в недра невозможно!

Чтобы взять захудалую золотую россыпь на разработку, надо пройти согласования с водниками, с лесниками и др. — всего 40 согласований! Срок получения лицензии 17 месяцев, и три года назад за всё это надо было заплатить 250 тысяч. Разве старатель это сможет сделать?

В Австралии за лицензию на частную разработку надо заплатить 30 долларов, а потом бери металлодетектор и иди ищи золото! Раньше и в нашей стране что-то похожее было, но сейчас — запрещено. И людей просто «вымыло» со многих территорий, потому что они будут объявлены преступниками, если станут добывать золото. Народ поставили вне закона. Почему? Сделайте золотоприёмную кассу — и люди будут жить и работать в рамках закона, всё это решаемо! Дайте свободу — и искатели сюда потекут!

— У «золотой лихорадки», которую вы привели в качестве примера успешного освоения необжитых территорий предприимчивыми людьми, было немало и негативных последствий. Да, люди приходили, работали, жизнь кипела, но по мере истощения месторождений они покидали территорию. В том же Северо-Енисейском районе масса брошенных приисковых посёлков, заросших дорог, нерекультивированных полигонов. Туруханск, или Новая Мангазея, когда-то был центром деловой и культурной жизни Сибири, а теперь?.. «Вахтовый метод» ни в XIX, ни в XXI веке не ведёт к развитию территории, закреплению на ней населения, а даёт ей жизнь лишь на короткий период «освоения», чтобы потом опять оставить её «прозябать». Не создаётся ли госкорпорация для банального разграбления природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, после которого на территории останутся лишь брошенные вырубки, изрытые земли, отравленные водоёмы?

— К сожалению, нам в Сибири сделали не самую хорошую прививку «сырьевого развития». В результате у многих сибиряков выработалось отторжение любых планов в этой сфере, говорят даже о «сырьевом проклятии». Да не является сырьё проклятием! Возьмите самые благополучные в социальном отношении страны: Канада, Норвегия, Австралия — это сырьевые страны с великолепными проектами! Понятно, что экологические требования должны быть нормальными…

Да, полезные ископаемые — это действительно невозобновляемые ресурсы, но их надо извлекать! По последним данным Forbes, мы на первом месте в мире по ресурсам, у нас их, по оценкам экспертов, на 74 трлн долларов; на втором месте США, у них на 45 трлн. И что, вы думаете, все те, кто вокруг нас, эту «конфетку» рано или поздно не проглотят? Поэтому мы и должны сейчас разумно эти ресурсы осваивать. Конечно, это не значит, что можно оставлять после себя полный разгром. Возьмите Норильск — он суперрентабельно работает. Да, экология плохая, но когда строили город — вообще никто об экологии не думал. Сейчас это можно и нужно отслеживать, потому что сырьевой потенциал, ценность руды и современные технологии позволяют это сделать.

Корпорация развития Восточной Сибири и Дальнего Востока одной из задач ставит приток кадров в регион. Недавно представители кадровых служб компании «Полюс — Золото» провели у нас в СФУ конференцию, на которую собрали представителей горно-геологических вузов России. Они показали перспективы развития компании и проекты, которые у них будут реализовываться в ближайшее время. Практически ежегодно данная компания вводит в строй по одному новому золотому руднику, в этом году, к слову, стартовал проект строительства очень крупного Наталкинского ГОК (Магаданская область) численностью 5,5 тысячи работников, из них 1,5 тысячи — инженерно-технический персонал. Параллельно стартуют горнодобывающие проекты других компаний — освоение Кингашского месторождения (Саянский район Красноярского края) — это 1/3 от Норильска по мощности, строительство комбината в Зеленогорске, три рудника и т.д. На всё это потребуется такое количество людей, которое мы с имеющейся численностью населения просто не найдём! Все горно-геологические вузы от Урала до Дальнего Востока не смогут в ближайшие 5-10 лет подготовить кадры для этих проектов! А на Москву, Питер и прочие вузы европейской части страны можно не рассчитывать — выпускники оттуда в Сибирь в сложившихся условиях не едут. Нужна новая стратегия привлечения людей в регион.

— С одной стороны, вы говорите об опасности «диффузного» проникновения к нам «соседей» из Китая. С другой стороны, людей у нас не хватает, и предполагается, что иностранцам, работающим на объектах госкомпании, предоставят льготы при оформлении разрешений на работу, получении российского гражданства. Получается, госкорпорация, заявленная в качестве спасителя Сибири и Дальнего Востока от китайского «завоевания», будет эту «китаизацию» проводить на законных основаниях?

— «Китайская угроза» — не мифическая, а вполне реальная. Я как сырьевик могу привести целый ряд примеров. Крупное Кызыл-Таштыгское свинцово-цинковое месторождение в Тыве на 25 лет взяли китайцы. Массу проектов в Забайкалье реализуют китайские компании. Освоение месторождения Озёрного (Бурятия) — там связанный кредит, оборудование поставляет китайская сторона, и 5 лет всё добытое на этом месторождении сырьё будет уходить в Китай. Я не говорю о нефтепроводе в сторону Китая. В любом случае проникновение происходит.

В условиях глобализации минерально-сырьевого рынка надо упростить проникновение зарубежного бизнеса в Россию. И лучше, если он будет представлен компаниями с западным капиталом. Это нормальное геополитическое решение!

Некоторые опасаются: ах, у нас всё украдут, нас в рабство продадут! Да нас уже и так вокруг городов «китайскими» теплицами задавили. В Абакане, Красноярске, Лесосибирске по этому поводу конфликты. И ведь никто никаких официальных решений не принимал…

— Проблемы, о которых вы говорите, — это проблемы качества управления и добросовестности управленцев, в первую очередь — государственных. Неужели для того, чтобы их решить, надо создавать управленческую структуру с невиданными полномочиями и частично выводить из-под действия законов страны 60% её территории? Да и кто придёт на руководящие посты этого «государства в государстве»? Те, кто не справляется с руководством в нынешних условиях?

— Я не готов говорить о структуре будущей госкомпании, механизмах принятия решений, доверии или недоверии к местным органам власти или населению в целом. Я готов говорить о посыле, что это надо делать. Во-первых, это взор на Сибирь. Во-вторых, понимание того, что здесь нужны другие законы. Здесь во многих отдалённых территориях нельзя жить просто на зарплату, когда надо думать о пропитании, дровах, меховой одежде и т.п. Я знаю это не понаслышке, поскольку родился в Ванаваре, на берегу Подкаменной Тунгуски, и много полевых сезонов работал на Севере.

Вот мы сейчас ведём геологопоисковые работы в районе Стрелки-Чуни — 200 км севернее Ванавары. И я недоумеваю: почему жители этого посёлка (около 200 человек) по достаточно высоким для них ценам должны выписывать лицензии на дрова? Это притом, что деревья там сами от старости погибают!

У нас слишком большая страна, и закон об охране и использовании леса в Сочи должен быть совсем не таким, как в магаданской тундре.

— А нельзя решить проблемы Сибири, не создавая сверхцентрализованную структуру, а наоборот, вернув значительную часть полномочий и средств на территории? Чтобы решение о том, «кому сколько дров можно пилить», принимали не в Москве, а хотя бы в Красноярске, а ещё лучше — в конкретном сельсовете…

— Согласен. На самом деле, так и должно быть в зрелом демократическом обществе. И мы придём к этому, если мы строим демократию. Но сейчас госкорпорация — это самый быстрый способ разрубить «гордиев узел» накопившихся проблем.

И, в том числе, первый шаг к созданию в нашей гигантской стране «третьей столицы» — сырьевой. Эта третья столица должна стать в ближайшие 10-15 лет значимой не только для России, а для Евразии в целом. Как Торонто для Северной Америки. Сырьевая столица континента, где должна быть сырьевая биржа, биржа инвестиционных проектов, научные мировые форумы по развитию горно-металлургических технологий. В том же Торонто действуют биржа металлов, предлагается до 120 инвестиционных проектов в год на международном форуме геологоразведчиков.

На поле действия госкомпании должен развиваться юниорный геологоразведочный бизнес, который сейчас у нас в зачаточном состоянии. Приведу ещё один канадский пример. Где-то в 1994-95 годах там при участии новосибирских учёных было открыто алмазоносное поле. За два года сформировалось 260 юниорных компаний, которые вложили средства в геологоразведку, в поиск алмазов. Из них выжило 60, но эти 260 поработали на изучение минерально-сырьевой базы и развитие инфраструктуры!

Так должно быть и у нас, должна быть горная свобода. Если в Сибири и на Дальнем Востоке будет либеральное право доступа к недрам, капитал потечёт сюда.

— Многие видят преодоление «сырьевого проклятия» Сибири в переработке полезных ископаемых и получении продукции на местах. Но в той информации о госкорпорации, которая доступна широкой аудитории, о создании производств конечного цикла не говорится.

— Металл высокой чистоты, который могут получать у нас на Железногорском ГХК, — это сырьё или уже не сырьё? Сейчас в Железногорске делают солнечный кремний, а завтра будут делать солнечные батареи. Нужен старт, аккумуляция капитала и критическая масса бизнеса…

С наукоёмким бизнесом вопрос сложный. Решая, например, вопросы о развитии технологий дистанционного изучения месторождений с помощью беспилотных летательных аппаратов, я понял, насколько просто найти для этого высококлассных специалистов в Санкт-Петербурге с населением 4,5 млн человек, и настолько тяжело их найти у нас.

С сожалением понимаешь, что высокотехнологическая продукция успешнее будет рождаться там, где есть для этого человеческий потенциал. А мы сейчас давайте будем хотя бы грамотно и высокотехнологично осваивать ресурсы. Это тоже непростая задача.

В той же Канаде сосредоточены высокотехнологичные геофизические, научные, разведочные предприятия. Они весь мир обслуживают, например, по аэрогеофизике. Там создана зона, комфортная для бизнеса, новые предприятия там три года не платят налоги. Туда уехало немало российских специалистов и по нашим технологиям выпускают магнитометры, гравиметры и т.д.

Почему бы в Сибири не создать то же? Чтобы мы и в Красноярске, и в других центрах региона открывали высокотехнологичные производства по освоению сырьевых ресурсов.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Полная версия текста — в электронной версии газеты

Ничего нового

Новосибирский профессор Николай Сергеевич РОЗОВ — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН — полгода назад приезжал в Красноярск с презентацией своей книги «Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке» (см. СФ за ноябрь 2011 г.) Рассуждая о долгосрочных перспективах развития страны, автор называет себя пессимистом, но не фаталистом. А поскольку у него есть своя теория относительно будущего Сибири, мы сочли возможным списаться с ним и попросили прокомментировать новую идею госкомпании по развитию Сибири и Дальнего Востока.

— Мы писали о вашем «Большом восточном проекте», способном вытащить Россию из колеи. Среди прочего проект предполагал наращивание сибирскими регионами собственной переговорной силы (за счёт сотрудничества с Западом и Востоком) для переговоров с Москвой. Означает ли новая идея создания госкомпании по управлению Восточной Сибирью и Дальним Востоком, что «Москва опередила»?

НР: Прежде всего, идея «Большого Восточного проекта» гораздо шире и масштабнее: суть её в объединении усилий России и Европейского союза для цивилизаторской миссии (умиротворение, социальное, инфраструктурное, экономическое и технологическое развитие) большой Центральной Азии, причём Сибирь выступает в роли начального плацдарма.

Москва никого не опередила, похоже, там наблюдается явная нехватка людей, способных мыслить нетривиально и масштабно. Создание госкорпорации — это в лучшем случае продолжение четырёхвековой истории колонизации и ограбления Сибири, а в худшем — создание «крыши», чтобы некие «свои люди» (например, связанные с небезызвестным кооперативом «Озеро») могли беспрепятственно выкачивать за рубеж сибирские ресурсы, немалые доли от дохода переводя на личные зарубежные счета.

Сравнение этой «госкорпорации» с Ост-Индской компанией (времён весьма жестокой британской колонизации Индии) беспрецедентно по откровенности — почти открытым текстом нам из Москвы заявляют: «Вы — дикие восточные туземцы, а мы — бравые культурные колонизаторы. Будем выкачивать из Сибири всё, что надо, а вы и вякнуть не посмеете».

— В своей книге «Колея или перевал» вы делали ставку на развитие гражданского общества, сетевые сообщества и проч. В проекте госкомпании акцент делается на государственное и единоличное решение. На ваш взгляд — это означает увязание в колее, или это альтернативный механизм, который тоже может оказаться успешным? При каких условиях он будет успешным?

НР: Чтобы быть точнее, для выхода из колеи порочных циклов в России наряду с развитием гражданского общества, сетевых структур и проч. должны также появиться новые независимые популярные и дееспособные партии, а также автономные центры силы, лидеров которых уже нельзя ограбить и засадить за решётку, как Ходорковского. В книге «Колея и перевал» все эти условия и шаги детально расписаны в главах 15-17. Что касается проекта госкомпании, то ничего нового в сравнении с пагубностью «вертикали» и «ручного управления» там не обнаруживается.

— Может быть, таким образом в Сибири как раз будет создан «плацдарм», который сделает привлекательным страну и для людских, и для финансовых ресурсов?

НР: Ровно наоборот. Если сибиряки, включая местное руководство и элиты (губернаторов, мэров, крупных бизнесменов), позволят «развернуться» такой колонизаторской госкомпании, то лес, нефть, газ, руды будут ещё быстрее вымываться за рубеж, а Сибирь ещё быстрее будет принимать облик «мерзости запустения».

— Ориентация преимущественно на Китай (как самый масштабный и эффективный рынок сбыта для наших ресурсов) отвечает интересам России? Вы-то предлагали заручаться более тесными связями с Европой…

НР: В заключительных 20-21 главах книги, посвящённых геополитике, я детально раскрыл опасность передачи Китаю прав на эксплуатацию сибирских ресурсов на десятилетия вперёд, не буду повторяться. Тесный союз с Европой, создание целой серии дочерних европейских и российско-европейских производств по переработке сибирских ресурсов, чтобы в Китай направлялись не сырьевые ресурсы, а полуфабрикаты и технологические линии для трудоёмких производств, — вот что позволит и поднять Сибирь в социальном и экономическом плане, и защититься от надвигающихся геополитических угроз с Юго-Востока.

— Чем, на ваш взгляд, объясняется включение под юрисдикцию госкомпании Восточной Сибири и не включение — западной? То есть у Омска, Новосибирска, Томска, с одной стороны, — и Красноярска, Иркутска, Хабаровска, с другой, — будут разные условия развития жизни, управления и т.д. Это управленческий эксперимент?

НР: Тюменская, сургутская нефть и так уже «прихватизированы». Омск, Новосибирск, Томск не имеют особо ценных природных ресурсов. Тут новым колонизаторам поживиться нечем. А вот необъятные и труднодоступные просторы Восточной Сибири остаются богатейшим Клондайком — от золота и алмазов до руд редкоземельных металлов. Задача, судя по всему, ставится откровенно хищническая: «вскрыть кубышку». Подкормить «крошками со стола» местное население, вложиться в разведку, добычу и средства доставки, ну а прибыль, как водится, отчасти направить в чёрную дыру федерального бюджета (с опасно растущими тратами на вооружение), часть рассовать по карманам-оффшорам, часть — в «общак» кооператива «Озеро».

Сибиряки должны хорошо понимать — их интересы в расчёт приниматься не будут.

— Как идея встречена в Новосибирске?

НР: Спокойно. Либо вовсе безучастно («не про нас»), либо с недоверием, как в отношении большинства «начинаний», идущих от центральной власти за последние годы. Вместе с тем, идеи реального федерализма, большей бюджетной и управленческой автономии, борьбы с застарелым колониализмом медленно, но неуклонно пробивают себе дорогу. Об этих идеях нового регионализма я как раз буду рассказывать в Красноярске на Сибирском философском семинаре, который пройдёт в Сибирском федеральном университете 21-23 мая.

СФ

Исторический шанс стране критиков

«Только что вышел мой комментарий этой темы в «МК в Красноярске», — Юрий Николаевич МОСКВИЧ кладёт на стол свежую газету. Название «Колония корпоративного режима» с подзаголовком «Из Сибири выжмут все соки» задаёт тон дискуссии, в которой наш собеседник, впрочем, является оппонентом тех, кто нагнетает чёрные краски. Именно такой взгляд нам и нужен: пугаться-то мы умеем.

— То, что первая реакция вызывает сомнения, не удивительно. И информации мало, и от государства мы привыкли ждать скорее подвоха…

— Ситуация необычная и требует искренней доверительной нотки. И ещё — надо иметь в виду отличия восприятия, женского и мужского, условного говоря. Для женщин принципиально, чтобы любой проект, любая инициатива были на стороне её интересов — скажем, помогали воспитанию её детей, счастью её семьи… К сожалению, мужчины-политики это не учитывают. Мужчине интереснее найти ответы на вопрос: «А можно или нельзя этот проект сделать? А могут ли эти люди осуществить этот проект, или нужны другие?» и т.д.

Ситуация с госкомпанией обостряет это противоречие до предела. Рассмотрение таких важных стратегических задач нужно вести так, как делают в нормальной семье, когда женщины определяют проблемы, требующие решения, а мужчины находят пути реализации. Потому что данный проект может изменить будущее Сибири настолько, что это будет либо очень хорошо, либо совсем плохо.

Но я считаю нужным обсуждать не столько риски, сколько вопрос: а что это нам даст? В различных дискуссиях, в публикациях часто приводятся впечатляющие факты падения каких-то социальных параметров развития Сибири по сравнению с другими регионами страны, но при этом никто не называет список: а что нам надо. Потому что главные действующие лица — опять мужчины.

— То есть мы должны сформулировать то, что хотели бы получить за 25 лет действия госкомпании на нашей территории?

— А я бы назвал цифру другую: 400-летие Красноярска, 2028-й год. Фактически остаётся вырасти одному поколению. Как мы будем отмечать этот праздник? Он будет радостный? Мы будем иметь гораздо больше счастливых людей? Создадим инфраструктуру для отдыха, здоровья, развития детей, прекрасную среду обитания для пожилых людей?

Например, в Японии люди выходят на пенсию в 70 лет и не тревожатся о том, как трудно им придётся стареть, у них глаза молодые.

Будет ли это у нас через 16 лет? Или 400-летие будет отмечено обычным карнавалом-маскарадом?

Сегодня, после начала мирового кризиса, у экспертов многих стран основной идеей становится анализ тех или иных культурных факторов, влияющих на развитие. Но Россия вот уже почти 500 лет находится в серединке мирового рейтинга по уровню развития, не выше, не ниже.

— В так называемой колее, о которой Н. РОЗОВ говорит.

— Колея связана с культурой. Есть культурные особенности, способствующие решению проблем и обустройству жизни, а есть культурные дефициты, которые мешают этому.

Колея как идея появилась в 2000-м году. Тогда, после избрания на первый срок Путина, экспертные сообщества Москвы (в ряд из них я входил, поскольку жил тогда в Москве) приняли важное решение. Они увидели, с какой программой вышел новый президент, увидели его сильные стороны, но увидели и большие лакуны, деятельностные пустоты.

Однако они не стали за это кого-то ругать, а заявили совсем другой подход: какую мы сами можем предложить повестку дня для страны?

Потому что неважно, кто будет президентом. Важно, чтобы в повестке любого кандидата были некие экспертные видения, которые помогут стране выйти из колеи. И эксперты всё последующее десятилетие говорили о реальных проблемах и возможном их решении.

Госкорпорация — это ответ на десятилетнюю дискуссию по поводу колеи. Предложен вариант, благодаря которому мы можем сравняться с развитыми странами не на темпах догоняющего развития, а с помощью новой ситуации. И тогда 400-летие Красноярска может пройти совсем в других условиях.

— А в чём новизна ситуации, и как это связано с культурными факторами, к которым в период кризиса вырос интерес?

— На сегодняшний момент опубликовано потрясающее количество исследований, и основной вывод, который мне нравится, и эта мысль нетривиальна: что все страны, которые живут «так себе», — это как раз нормальные страны, и их большинство. А все, кто живёт лучше других, кто в то или иное время совершил модернизацию, — они ненормальные, и их немного.

— Это и есть вывод — стремиться к «ненормальности», делать что-то нестандартное?

— В какой-то степени проект госкорпорации по внешним показателям совсем ненормален. Посмотрите статьи ваших коллег. Это непонимание растерянных людей: как это — создавали единое государство, с единой системой, и вдруг предлагается правовая основа, которая систему разрушает.

В госкомпании заложена идея: превратить Россию в ненормально развитую страну, включить её в небольшое число стран, выскочивших из бедности к высокому уровню развития и комфорту жизни. Но тут возникает вопрос — в состоянии ли мы сами начать поддерживать необычное?

— Когда мы говорим о конкретном списке того, чего мы хотим, означает ли это, что мы должны заявить, например: мы хотим, чтобы налоги оставались в территориях?

— Это вопрос политической борьбы. Недавно было объявлено, что все предприятия будут платить налоги по месту работы. Значит, значительная часть налогов пойдёт в муниципалитеты, а не в краевой бюджет. Например, если предприятия начнут открывать не в Красноярске (мы ведь против завода ферросплавов?), а в районах, то и налоги пойдут туда, а Красноярск ничего не получит. Так давайте обсуждать, чего мы на самом деле хотим.

Второй принцип: если что-то не нравится — предлагайте другие варианты. Есть ряд опасений, с которыми я согласен. Например, вероятность коррупции, неудачного управления и т.д. Давайте посмотрим на это без предубеждения.

Госкорпорация в том числе определяет процедуру облегчённого приглашения сюда иностранных компаний и граждан. Само их присутствие, их культура ведения дел, международные правила определения качества продукции, экологически приемлемых норм загрязнения, механизмы предотвращения связи с криминальными структурами и т.д. — вполне вероятно, не позволят сохраниться тем нашим особенностям, о которых мы говорим. Ведь как-то удалось тем странам, которые я называю ненормальными, в течение 50-40-30 лет победить коррупцию, то есть свести её до 15-20%. В Финляндии и того лучше, уровень коррупции самый минимальный в мире — берут взятки всего 5% чиновников. У нас эта цифра запредельная.

— Может, у них коррупции и не было?

— Всё было, они же были когда-то вполне «нормальными» странами. «Нормальный» принцип — брать, ради семьи например. Но развитые страны смогли создать систему, когда выгоднее не брать — ради репутации, высокой деловой активности, уровня жизни всех.

И есть надежда, что наши родовые проблемы — коррупцию, необязательность, нечестность, недоверие — мы сможем проще и быстрее преодолеть, если начнём вместе работать со странами, где обеспечивают устойчивый бизнес другие правила.

Может быть, содружество культур станет для нас, в самом деле, волшебной палочкой-выручалочкой?

— Есть ли люди, которые сюда рискнут поехать?

— Да. И в первую очередь — те, кто отсюда в своё время уехал. Они уже переняли другие традиции, привыкли не воровать и не брать взятки. По-другому там нельзя.

Это как на балу: если вы пришли туда, нужно следовать этикету. А главное в корпоративной этике развитых стран — честность и строгое наказание за корпоративное предательство.

(Окончание на стр. 12)

Автономная жизнь в неблагоприятной среде

Что делать с Сибирью и что делать в Сибири? Ещё на IX Красноярском экономическом форуме нашему мегарегиону предложили два варианта развития. Первый: соответствовать громадной территории и решать масштабные задачи; например, создать планетарный космический центр. Второй: развивать исключительно инфраструктуру транзита полезных ископаемых — жить здесь нельзя и не надо, достаточно нескольких крупных городов, а всё остальное — вахтовые посёлки.

Первое знакомство с проектом Федерального закона «О развитии Сибири и Дальнего Востока» вызывает предположение, что Правительство России, похоже, выбрало для 60% территории страны всё-таки не «космическое» будущее, а скорее — сырьевое. Пункт 2 статьи 1 законопроекта недвусмысленно гласит: «Настоящий Федеральный закон направлен на привлечение инвестиций в освоение территории Сибири и Дальнего Востока и эффективное использование природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в целях создания благоприятных условий для комплексного социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока».

Но «космический» задел, который у региона есть, отодвигать на задний план не хотелось бы. Об одном из проектов в этой области мы сегодня расскажем.

СПРАВКА

Международный центр замкнутых экологических систем — наследник проекта БИОС, который при поддержке «отца советской космонавтики» Сергея КОРОЛЁВА начали осуществлять ещё в 1964 году красноярские учёные Иван ТЕРСКОВ и Иосиф ГИТЕЛЬЗОН. Они, а позднее — целый научный коллектив под руководством этих академиков, — разрабатывали системы жизнеобеспечения человека в космосе, в экстремальных условиях полярных широт, пустынь, высокогорья, подводных работ и т.д. Эксперименты по долговременному пребыванию людей в замкнутом пространстве комплекса БИОС-3 до сих пор не удалось столь же успешно повторить в мире никому, хотя сделать это пытались и в США, и в Японии, и в Европе (wikipedia.org/wiki/БИОС-3). Тем не менее, в конце 1980-х годов государство фактически прекратило финансирование проекта БИОС, и он был заморожен.

Наш собеседник — доктор биологических наук, профессор, исполнительный директор Международного центра замкнутых экологических систем при красноярском Институте биофизики СО РАН Александр Аполлинарьевич ТИХОМИРОВ, начинал работать по научной проблематике замкнутых экосистем с 1972 года.

— Когда финансирование проекта практически прекратилось, нужно было решать, что делать? Мы тогда перевели все научные исследования на разработку новых технологий, которые сначала всегда ведут в лабораторных условиях. И мы только этим занимались фактически все 1990-е годы. Нам приходилось работать «в стол» в надежде на то, что в будущем мы всё-таки сможем проверить свои разработки. Сейчас у нас готов целый пакет технологий, которые позволяют решить проблему относительно невысокого замыкания круговоротного процесса в прежних замкнутых биосистемах. По нашим расчётам мы сможем создать замыкание, близкое к 90%. Мы готовы сейчас начать непосредственную подготовку научного эксперимента в системе БИОС, если бы на это были средства.

С представлениями международных экспертов, а теперь, увы, и некоторых российских госуправленцев, что «Сибирь — не место, где можно жить и что-то развивать, сюда можно приходить только на время, чтобы взять что-то нужное», а уж тем более здесь не имеет смысл развивать науку, проводить исследования мирового уровня, — профессор Тихомиров категорически не согласен.

— Однажды я увидел дискуссию в Государственной думе, отдельные участники которой говорили: «А зачем нам так много фундаментальной науки, когда у нас не хватает хороших товаров?». Это совершенно безграмотная точка зрения! Люди не понимают, что если в стране нет хорошей научной школы, то страна экономически не является независимой. Все высокоразвитые страны (их не так много в мире) имеют свои научные школы.

Приведу пример Германии, которая до Второй мировой войны имела великолепную научную школу физиков. Большая часть самых талантливых учёных-физиков середины XX века вышла как раз оттуда, из Германии! После войны по понятным причинам от этой школы не осталось и следа, и по прошествии почти 70 лет они так и не могут её восстановить, ведь творческую научную среду воссоздать очень сложно.

Научная школа — это предпосылка создания передовых технологий. Не все в верхних эшелонах власти это понимают. Некоторые, например, говорят: «Зачем нам исследовать космическое пространство, когда у нас на Земле проблем полно?».

Когда запустили первый искусственный спутник, кто-то тоже спрашивал: «Зачем это нужно с точки зрения практики?». А теперь попробуйте отобрать у тех скептиков Интернет, телевидение, надёжную телефонную связь!

Не всегда можно точно предусмотреть, что даст фундаментальная наука завтра, что из неё можно взять для человеческой практики, но если её не развивать, можно точно сказать, что завтра взять будет нечего!

Яркой иллюстрацией нынешнего отношения к науке в Сибири является тот факт, что только сотрудничество красноярских учёных с Европейским космическим агентством (ESA), помощь Сибирского отделения Российской академии наук и «подвижничество» собственно красноярского Института биофизики позволили сохранить и частично модернизировать уникальный комплекс БИОС-3, продолжить исследования.

— Примерно в конце 1990-х годов возник вопрос, что же дальше делать с системой БИОС-3? В Институте биофизики была группа учёных-энтузиастов, которые не дрогнули под тяжестью навалившихся финансовых, организационных и ряда других проблем и упорно продолжали научные экспериментальные работы по тематике БИОС-3. Эта группа получила поддержку директора института Андрея Георгиевича ДЕГЕРМЕНДЖИ. Мы решили обратиться к международному сообществу, и нам удалось выйти на зарубежных учёных, которые высоко оценили перспективы сотрудничества с нами по тематике замкнутых экосистем. Ведущую роль в развитии нового этапа исследований сыграли научные контакты с Европейским космическим агентством, которые убедительно показали всю несостоятельность предложений скептиков закрыть это направление и превратить БИОС в музей. Исследования продолжаются, и это показывает их востребованность международным сообществом.

Вверху: И.А. Терсков и И.И. Гительзон за обсуждением результатов эксперимента (1963 г.).

Внизу: экипаж БИОС-3 после завершения эксперимента.

В настоящее время мы ведём эксперимент с группой западноевропейских стран (Франция, Финляндия, Бельгия) по оценке микробиологического загрязнения в системе жизнеобеспечения. Для нас это выгодно тем, что кроме всего прочего мы за счёт зарубежных партнёров оснащаем свой комплекс новыми приборами и оборудованием.

В частности, телекоммуникационную систему в БИОСе мы создаём в значительной мере за счёт зарубежной финансовой поддержки. До завершения этого проекта остался год, и надвигается проблема дальнейшего финансирования работ. Как это ни парадоксально, но в России мы пока не можем получить средства на продолжение работ и развитие БИОСа, хотя я не думаю, что для отечественной науки тематика замкнутых экосистем менее важна, чем для зарубежных партнёров.

— А как же «Роскосмос» с его марсианскими планами? Ведь руководитель первых советских космических проектов Сергей Королёв считал БИОС прообразом именно марсианских обитаемых станций!..

— Мы с «Роскосмосом» пока не сотрудничаем, точнее, они с нами не сотрудничают, — печально констатирует Александр Аполлинарьевич. — В Москве идёт жёсткая борьба за финансирование, у сибиряков шансов на государственную поддержку проектов крайне мало. Среди столичных чиновников бытует мнение, что мы живём в глуши и ничего стоящего разработать не можем...

А ведь БИОС — это локомотив создания новых технологий, которые могут быть использованы не только в космосе, они могут иметь земные приложения. Например, очистные технологии. В замкнутых экосистемах очень важно сделать так, чтобы все вещества включались в массообменный процесс, чтобы не было отходов. Потому что если много отходов, значит, надо брать в запас много продуктов, чтобы замещать вещества, выбывающие из обмена. Чтобы добиться высокой степени замыкания круговорота веществ, нужны новые технологии, проверить которые можно в комплексе БИОС-3. Ведь именно здесь был создан реальный искусственный круговоротный процесс с участием человека. По результатам проверок и исследований мы сможем рекомендовать ряд технологий и для промышленности, и для сельского хозяйства, и для медицины. Вот вам, пожалуйста, варианты земных приложений. Я уже не говорю о космическом применении!..

Вверху: учёные Европейского космического агентства и научные сотрудники ИБФ СО РАН — участники совместного международного проекта в контрольной комнате управления системой БИОС-3. Февраль, 2009 год. Крайний справа в первом ряду — доктор К. Лассер, координатор работ по системам жизнеобеспечения Европейского космического агентства, третий справа в первом ряду — профессор Ж.-Б. Гро, специалист по замкнутым процессам в системах жизнеобеспечения (Франция).

Внизу: руководитель международного проекта BIOSMHARS от ИБФ СО РАН проф. Тихомиров А.А. знакомит участников проекта с установкой БИОС-3. Сентябрь, 2011 год.

— А будут ли экономически оправданы в обыденной жизни технологии, разработанные в рамках изначально «космической» программы БИОС? Можно создать продукт невероятных свойств и качества, но он будет в единственном экземпляре и стоить бешеные деньги!

— К сожалению, наши бизнесмены соглашаются на финансирование проектов, только когда видят быструю отдачу и высокий процент прибыли. А вот в развитых странах за каждым крупным университетом, где ведутся исследования, «присматривают» фирмы, готовые довести научные результаты до «товарного вида» и возможности использования в экономике. Там есть группы специалистов, которые приезжают на научные конференции и просто слушают, о чём идёт речь. Если учёный начнёт заниматься внедрением, он вынужден будет забросить науку.

Мне кажется, задача государства — создать такие структуры, которые бы «ловили» новые научные разработки и предлагали их к внедрению.

Вспомните, разработки в военной сфере в советское время внедрялись практически сразу после апробации. Наша авиация была одной из лучших, я уже не говорю про ракетостроение и космические исследования. Почему? Потому что действовала, пусть и затратная, командно-административная система, которая отчасти выполняла роль недостающего сегодня инновационно-внедренческого звена.

— Прежняя командно-административная система со всеми её звеньями работала на конечный продукт (результат). Нынешняя же рыночная цепочка работает на прибыль каждого отдельного звена — результат в конце пути почти не виден и поэтому не важен. Не в этом ли главная проблема?

— Вы обратили внимание, как трудно сейчас идут военные заказы, как часто срывают сроки их исполнения? — задаёт мне вопрос профессор Тихомиров. — Почему? Потому что сейчас в России пытаются перейти на единый механизм закупок как в гражданской сфере, так и в военной. Но эта «рыночная» система и при закупке карандашей-то не очень хорошо работает, а при закупке вооружений порой приводит к опасным для страны результатам.

Люди перестали работать по-старому, но не научились по-новому.

***

Федеральное космическое агентство «Роскосмос» потратило около 15 млн долларов на имитацию 520-суточного полёта международного экипажа на Марс, в ходе которой, в основном, решались только психологические и медицинские вопросы длительного сосуществования группы людей в замкнутом пространстве. Да, говорят, участники проекта «Марс-500» что-то там ещё и выращивали, но это не идёт ни в какое сравнение даже с экспериментом 1972 года в БИОС-3, когда экипаж из трёх красноярских исследователей прожил в полностью изолированном от внешней среды пространстве 180 суток, обеспечив себя на 100% воздухом и водой и почти на 50% пищей за счёт специально подобранных растений. Только электроэнергия и около 20% животной пищи поступали к ним извне.

Сейчас Международный центр замкнутых экосистем в Красноярске готов к проведению крупномасштабного эксперимента с участием экипажа из нескольких человек и глубоким замыканием жизненных циклов. Но для этого нужна государственная поддержка. Будут ли такие проекты входить в сферу интересов госкомпании по развитию Сибири — вопрос, чрезвычайно актуальный для учёных.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Что может и чего не может центр

А вдруг и правда у нас здесь в Сибири настанет райская жизнь — при таком-то благоприятном климате для инвесторов и заботе государства? Размышляя об этом на ночь и уже почти проваливаясь в мечтательный сон, я бормочу: «Лично мне бы хотелось летать до Европы если не так же быстро, как москвичам, то хотя бы за те же деньги. Хорошо и никуда не летать, а иметь курорты прямо здесь, в Сибири. Адриатическое море…»

На следующий день, когда за окном идёт дождь со снегом и никакой Адриатикой как-то особенно не пахнет, Александр ЛЕВИЦКИЙ, заместитель проректора по науке и международному сотрудничеству СФУ, с которым мы обсуждаем эту тему, развеивает ошмётки моих ночных фантазий: «Иллюзий питать не надо. Давайте начнём с рисков».

«Ввяжемся в драку, а там посмотрим…»

— Всё, что из СМИ стало известно о законопроекте по созданию госкомпании для развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, звучит предельно невероятно. Не случайно КУДРИН сказал, что он «просто не поверил»…

— Удивление Кудрина понять можно, поскольку разговор идёт о том, что будет создана госкорпорация, контролировать работу которой будет федеральное правительство и президент. При этом планируется принять новые законы и внести существенные изменения в целую череду действующих федеральных законов. Через реализацию «приоритетных инвестиционных проектов» госкомпания будет естественным образом влиять на региональные программы развития сибирских регионов. Это с одной стороны. А с другой… Имеются ли иные предложения по развитию сибирской территории? Пока альтернативных вариантов не видно.

Идея создания государственной инвестиционной компании такого типа вызывает много вопросов. Например, какова в данной конструкции роль региональных органов власти, бизнес-сообщества, органов местного самоуправления? Если управление развитием будет осуществляться через госкорпорацию, если она начнёт заниматься выдачей лицензий, заключением концессионных соглашений, если контрольно-ревизионные органы «отсекаются» от регулирования её деятельностью, то какими полномочиями будут обладать региональные и муниципальные органы власти? Останутся ли у них рычаги управления?

— А разве речь не идёт, наоборот, о передаче дополнительных прав регионам? Ведь даже правление из Москвы во Владивосток переводится!

— Мне кажется, что развитие будет разворачиваться «через города», то есть могут расшириться функции, выполняемые органами местного самоуправления. И в этом смысле регионализация будет разворачиваться через агломеративное строительство. Очень важно, что при выполнении приоритетных инвестиционных проектов (очевиден масштаб и направленность этих проектов) никак не обойтись без кластерного подхода — но не только в экономике, но и в образовании, в науке, культуре и пр. на основе межотраслевого подхода. Вновь ставится вопрос об агломеративном строительстве, формировании среды. Это вызовы, которые необходимо осознать, на которые необходимо найти ответы именно на региональном и муниципальном уровнях. Надо понять, есть ли ресурсы в крае для ответов на эти вызовы. Есть ли потенциал развития?

Кроме всего, предлагаемый вариант развития Сибири может потребовать изменения традиционных управленческих подходов.

— То есть один законопроект влечёт за собой лавину, сметающую нынешнее законодательство, и переворот всей системы управления. Но, я так понимаю, это уже никого не остановит — машина запущена.

— Об идее создания корпорации говорится уже несколько месяцев. А наш новый президент, как правило, всё, о чём говорит, в той или иной форме реализует. Можно, конечно, дождаться издания текста нового закона, регламентирующего деятельность корпорации. Но, по-моему, сейчас нам надо «играть на опережение».

Тем более, что, вводя новую нормативно-правовую основу деятельности корпорации, центр фактически признаёт, что существующие правила не обеспечивают развития… Нам прямо говорят: для того, чтоб развивать Россию через Сибирь и Дальний Восток, надо эти правила на указанной территории скорректировать. Но конкретные условия, в которых будут выполняться приоритетные инвестиционные проекты, лучше знаем и понимаем мы, живущие на территориях развития! И центр, очевидно, ждёт и готов слушать наши конкретные предложения…

— Условия, которые предполагаются в законопроекте (свобода от налогов, право пользования любой землёй, право на разработку любых недр и проч.), наверняка, станут суперпривлекательны для бизнеса всех уровней.

— Это, конечно, важно. Это необходимо, но не достаточно… Инвестору кроме привлекательности самого проекта всегда важно понимать условия, в которых проект будет реализовываться. Его интересует надёжность и минимизация рисков. Не только на стадии внедрения проекта, но, что самое главное, в стадии его реализации и сопровождения. Не будет надёжности — никто к нам не придёт.

По сути, инвестора всегда интересует среда, в которой он будет работать. А формирование среды уж точно задача не федеральная, а региональная.

— Западные инвесторы более осторожны, но нам, наверное, и своих хватит, вон сколько денег за рубеж сейчас уплывает…

— Наших инвестиций не хватит. Кстати, если про это говорить, в прессе обсуждается один забавный факт. Называют 30 трлн вложений, которые надо освоить госкорпорации. Число то хорошее, оно впечатляет. Но, во-первых, это на период в 20 лет. В год — примерно по 150 млрд. При этом годовой валовой региональный продукт, производимый всеми субъектами на территории, «подведомственной» госкорпорации, — больше 4-х трлн рублей. В этом смысле 150 млрд — не так и много. Зачем, спрашивается, эти деньги отдавать на госкорпорацию, если можно просто запустить их на развитие, оставив на каждой территории?

Напрашивается вывод: деньги будут инвестировать в общие «транссибирские» проекты. Но не на непосредственное инвестирование, а на «запуск». Тогда, может, этих средств и хватит…

Передел мира

— Идея создания госкорпорации стала демонстрацией того, что Москва понимает: надо осваивать Сибирь и Дальний Восток. И это нам приятно, хотя мы и не очень понимаем, что за этим стоит…

— Что заставляет это делать? И почему именно сейчас, не пять лет назад, не десять…

На самом деле эту территорию, которая составляет более 60% РФ, заселяет 1/7 от общего населения страны. А доходов государству — алмазов, золота, нефти — она даёт от 67% до 83% ВВП (в зависимости от того, как считать)…

— Так это самая эффективная территория получается, и голова у государства болеть не должна!

— Мы долгие годы имели систему перераспределения средств из малоёмкого (по занятости) сырьевого сектора в низкоэффективные сектора с высокой занятостью. Понятно, что развитие, основанное на сохранении этой модели хозяйства, невозможно (по ряду причин — например, из-за прогнозного снижения объёма доходов от реализации природных ресурсов). Понятно, что происходит подавление и искажение рыночных стимулов. Понятно, что мы практически вступили в ВТО и не за горами вступление в ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), а вступив в них, мы должны соблюдать принятые в этих обществах правила игры.

И мы присутствуем при формировании новой модели хозяйствования и развития. Она предполагает задействовать факторы конкурентоспособности, которые ранее были не приоритетны.

Следует подчеркнуть, что ВТО определяет только правила взаимоотношений стран-участников. А ОЭСР — это уже деньги на конкретные проекты. И одним из подходов ОЭСР при оценке того или иного системного проекта является агломеративное и кластерное развитие на территории. В этом смысле методы работы госкорпорации могут совпасть с теми методиками, по которым работает ОЭСР.

— Получается — и вступление в ВТО, и вступление в ОЭСР, и создание (в том числе с учётом этой новой реальности) госкомпании — всё это длинная цепочка шагов, которую кто-то давно просчитал и последовательно осуществлял. А кто?

— Мировое экспертное мнение. Оно давно пришло к заключению, что всё дальнейшее мировое развитие будет происходить за счёт ресурсов Центральной Африки, Сибири и Дальнего Востока.

— То есть на нашу территорию рассчитывает вся планета Земля?

— Ресурсы ограничены, и сейчас начинается процесс, мягко говоря, пристального внимания к их наличию и рациональному использованию…

— И это будет независимо от нашего желания, но либо по-хорошему, либо по-плохому.

— Если мы сами ничего не будем делать, нас будут к этому «подвигать» разными способами…

Вообще говоря, идея создания госкорпорации явно показывает, что наш центр одновременно решает три задачи.

Первая — чисто политическая: удержание территории Сибири и Дальнего Востока, потому что сейчас на неё направлено пристальное внимание всего мира.

Вторая — экономическая. Если мы хотим удержать территорию за собой, то здесь должны жить люди. А для этого им надо не просто обеспечить «качество жизни», как кое-кто твердит, это ерунда: люди элементарно должны где-то работать, вносить свой вклад в ВВП. Но не только в освоении полезных ископаемых (для этого много народа не надо), а в «производящей» сфере деятельности: в современных производствах, в науке, в образовании…

— Но законопроект ориентирован исключительно на развитие недр, «эффективное использование ресурсов».

— Не совсем так. Чтобы осуществить масштабные вложения в развитие региона, вначале мы вынуждены привлекать потенциальных инвесторов полезными ископаемыми. Но основная идея состоит в том, чтобы трансформировать полученные от добычи и переработки исходного сырья средства в создание новых рабочих мест. Только тогда к нам смогут приехать люди, увеличив население здесь. Это принцип решения главной задачи — удержания территории.

Основные усилия придётся направить на решение пока нетрадиционной для нас задачи — обеспечения реальной двусторонней открытости экономики. При таком подходе должна возникнуть новая, современная, основанная на применении мировых стандартов инфраструктура жизнеобеспечения человека. Это не только новая модель хозяйствования, это и новая социальная политика. Это и есть третья — социальная — задача, которая ставится.

Важно понять, что если первую (политическую) задачу решает Федерация, то вторую и третью без «активности» на территории, без участия регионов — Федерация решить не сможет ни сама, ни через корпорацию. Такие задачи решаются только вместе. Именно поэтому резиденцию компании делают не в Москве. Но при этом территория всё равно большая получается, и эффект «катания» из Владивостока в Красноярск будет такой же, как из Красноярска в Москву. Административные издержки слишком велики. Поэтому мы вполне можем выйти с предложением — сделать ещё одну штаб-квартиру в Красноярске.

Ярмарка предложений

— Конкретные проекты, которые надо здесь развивать, должны предложить мы сами?

— Проекты при развитии Сибири будут разные. Масштабные «транссибирские» будут реализовываться госкорпорацией. Проекты же по третьей группе задач, да и по второй тоже, должны предлагать регионы.

— Сейчас попробую припомнить, какие проекты есть у Красноярска, если не считать добывающие, да к тому же удалённые, типа Ванкора и Приангарья. Четвёртый мост! Ещё были метро, авиахаб, агломерация, но эти проекты, кажется, уже закопали…

— Нам нужно поднять все старые наработки, пересмотреть их в новых обстоятельствах. Но нужны и новые масштабные проекты.

Поскольку в качестве приоритетных инвесторов рассматриваются иностранные компании, они будут работать у нас, причём в своей культурной парадигме. И нам необходимо это не только учитывать — к этому надо активно готовиться! В том числе готовить людей — их у нас пока особенно мало.

> **Нас в своё время просто заставили НЕ заниматься собственным развитием. В этом смысле и наши муниципалитеты, и краевые власти абсолютно обескровлены. А теперь придётся практически заново формировать систему управления развитием, одновременно решая кадровую проблему.**

Основным принципом формирования системы управления развитием края должен стать принцип «дебилеративности». Это когда власть, бизнес, наука, общество в целом — все вместе смогут договариваться и понимать направление общего развития, его приоритеты. Учитывать особенности, возникающие при усилении международного сотрудничества…

— Кстати, о международных связях. Путин ещё в своих предвыборных статьях сказал, что осваивать Сибирь и Дальний Восток мы будем с помощью Китая.

— Работать с одним Китаем, конечно же, невозможно. А что делать с японцами? А с Кореей, Германией, Америкой?

Но сейчас для нас актуальнее успеть договориться «здесь и сейчас». Причём не только внутри края, но и с соседями — с Иркутском, Бурятией, другими. Восстановить межрегиональное взаимодействие. И предъявить своё корпоративное видение процессов развития.

— А почему, кстати, Новосибирск не вошёл в намеченную к развитию территорию? У них, вроде бы, как раз есть и культура переговоров, и международные связи.

— Во-первых, у них нет таких природных запасов. Во-вторых, Новосибирск — город торговый, на другом «замешан». Он реализует свои интересы, которые держатся на другой базовой платформе. У нас иные основы и устои, базирующиеся на производстве, сельском хозяйстве, минерально-сырьевой и лесной базе.

— А о какой базе и производстве мы говорим? В промышленности у нас осталось 4-5 предприятий, сельские хозяйства массово развалились…

— Конечно, бесполезно думать о реанимации старого машиностроения или чего-то ещё, что у нас было. Надо делать не то, что мы можем, а что нужно. И важно говорить не о становлении или реанимации отраслей. Следует осуществлять межотраслевые проекты в перспективных направлениях, обеспечивающих территориальное развитие.

Например, освоение арктических и северных территорий, где требуются совершенно новые технологии: медицинские, транспортные, строительные… У нас для этого есть база. Есть биохимики, транспортники со своими наработками, геологоразведка. Прямо-таки напрашивается идея о формировании федеральной технологической платформы «Арктические и северные технологии».

Ещё один междисциплинарный проект — «Транссибирский» телепорт. И здесь у нас есть большой опыт и заделы. Такой проект необходим из-за прогнозируемого кратного роста объёма информации при обслуживании нового региона развития. Потребуется мощное хранилище данных, причём распределённых, развитая телекоммуникационная сеть (оптоволоконная и спутниковая связь), мощные центры обработки данных, новые программные продукты. Госкорпорация без этого эффективно действовать не сможет. На чём будут «сшиваться» сибирские проекты? На информации. И это направление надо развивать. При этом обеспечить информационными данными не только себя, но и их транзит из Европы в Азию и наоборот.

Дальше. Надо создавать Центр кластерного развития — именно он сможет обеспечить систему межкластерного взаимодействия… Какие бы производства госкорпорация ни создала — нужны операционные связи, нужна «увязка» производства, сбыта, логистики, да и вообще система формирования «цепочек добавленной стоимости». Кластерное «строительство» — тоже функция региональная. Если это не сделаем мы, сделают другие, но тогда они и получат прибыль. А ведь доходы должны оставаться на нашей территории. Не успеем, не сможем — рискуем остаться без прибыли.

Проектов может быть много. Важно понять, кто и как будет заниматься их реализацией. Кто будет заниматься формированием системы управления развитием.

Кстати, всё, что мы сейчас обсуждали, нужно делать независимо от того, будет или нет создана госкорпорация. Пора вплотную заняться стратегическим планированием.

Валентина ЕФАНОВА

Шанс № 4

Получить серьёзный грамотный комментарий глобального государственного проекта — задача не такая уж простая. Идея обратиться к Петру ЩЕДРОВИЦКОМУ — эксперту по управлению развитием, члену правления фонда «Центр стратегических разработок «Северо-Запад», советнику госкорпорации «Росатом» — пришла почти сразу.

— Пётр Георгиевич, сейчас активно обсуждается законопроект о создании госкомпании по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока. Есть ли мировые прецеденты таких управленческих решений?

— Конечно. В мире существует огромное количество примеров создания территориальных корпораций для развития тех или иных регионов. В тридцатые годы 20-го века появилась корпорация по развитию долины реки Теннеси, депрессивного региона Соединённых Штатов Америки. Другой пример, уже из современной жизни, Canada Lands Company, Национальная государственная корпорация развития, созданная в Канаде в 1995 году и занимающаяся инновациями. А вот азиатский опыт: Korea Land & Housing Corporation 1962 года создания. Она решала вопросы стабилизации жизни в целом и жилья — в частности.

Существуют десятки такого рода территориальных корпораций, развитие которых используется в управленческой практике как механизм для решения различных задач. То есть это стандартная форма развития территорий, давно придуманная и эффективно используемая.

В российской истории такие примеры тоже есть. Когда в 19 веке создавался Владивосток, для его скорейшего развития городу был присвоен статус порто-франко — порта, пользующегося правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Статус этот действовал с 1861-го по 1909-й год: таможенные пошлины и тарифы были гармонизированы с задачами быстрого развития города.

Механизмов развития территорий много: беспошлинные порты, свободные экономические зоны, технопарки, промышленные парки или кластеры. Нужно просто чётко определить цели и под них сформировать соответствующий механизм управления.

Не надо пугаться слова «корпорация». Если мы чего-то хотим достичь, мы создаём структуру, которая делает это. Потом она может стать ненужной.

— В проект вошли 16 субъектов Федерации. На ваш взгляд, почему не вся Сибирь? И какая регионализация возможна внутри выделенной зоны? Смущает также то, что территория, предназначенная для развития, местами совершенно не заселена. Как и чем она может интегрироваться, и нужно ли это?

— На мой взгляд, все эти конкретные вопросы на данном этапе обсуждать нет смысла, так как проект находится на стадии осмысления. Нужно обсуждать рамки, то есть отвечать на вопрос, зачем всё это делается. Обозначить проблему — это, действительно, имеет смысл.

Первое, что необходимо чётко понимать: сегодня экономическое развитие идёт только в азиатском регионе. Если мы смотрим на карту мира, то мы понимаем, что и Соединённые Штаты, и Европа — два ключевых центра экономической активности — находятся в ситуации экономического спада. Это не стагнация, но, в общем, существенная депрессия. Что такое 1-2 процента роста? Считайте, что это ничего, потому что ключевые виды ресурсов дорожают гораздо больше. Или что такое 5-6 процентов роста для российской экономики? Ничто! Эффект роста цены на нефть и другие сырьевые товары. Никакого роста на самом деле нет.

Сегодня развивается только Азия. Почему? Потому что это фактически новое Средиземноморье. Это огромная плотность населения, сосредоточенная вокруг океанической системы расселения. Много людей, которые хотят есть, пить, получать электроэнергию, производить товары. Идёт процесс индустриализации и урбанизации, темпы роста высокие, и плотность коммуникаций настолько высока, что обеспечен постоянный экономический обмен: торговый, транспортный, финансовый, миграционный.

Россия же традиционно сфокусирована на европейский центр экономической активности; поэтому так сосредоточено население, транспортные коммуникации, экспорт. Мы в основном включены в европейскую систему интеграции. Но поскольку европейская экономика не растёт, то и часть России, ориентированная на Запад, будет расти гораздо медленнее.

Азия пока сохраняет высокие темпы роста, а следовательно, именно сейчас востребовано участие России в азиатской интеграции. Но у нас на сибирских и дальневосточных территориях нет ни людей, ни транспортных потоков, ни нормального участия в азиатско-тихоокеанской системе разделения труда. То есть возможность есть, а мы её не используем.

Вопрос азиатской переориентации в истории России стоит не первый раз.

Впервые он встал в 1798 году, когда в Иркутске была учреждена «Соединённая Американская компания». С 1799 года эта компания действовала «под Высочайшим его Императорского Величества покровительством». Несмотря на это, история компании оказалась неудачной, продажа Аляски в 1867 году была закономерным итогом. Уже тогда стало ясно: размер территории должен соответствовать возможностям управления.

Второй раз за этот вопрос взялись в конце 19 — начале 20 века. Начиная с середины 19-го века самые умные люди — например Герцен — предсказывали, что в Азии будет рост. И тогда Российская империя вновь начала делать определённые шаги по интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион.

В 1860 году мы дошли, наконец, до Тихого океана, дошли системно — был основан город Владивосток. Началось интенсивное сельскохозяйственное и торговое развитие этого региона. А в начале 20 века, во время столыпинских реформ, был создан Транссиб, и произошло целенаправленное переселение туда из Центральной России почти четырёх миллионов человек.

— Деятельность Столыпина сегодня оценивается неоднозначно…

— На мой взгляд, критика в адрес Столыпина просто смешна. Если его и критиковать, то не за то, что было сделано, а за то, что решение, будучи принято, не было доведено до конца. Но это не вина конкретного человека: вся система управления была так выстроена. Ресурсов выделили мало, как всегда у нас бывает. Подход к начинаниям тоже был традиционным: «Ты, давай, делай, но только сам всё придумай и реши. Если у тебя получится, мы тебя посмертно наградим, а если не получится — расстреляем». Поэтому почти четыре миллиона человек поехали, а, если мне память не изменяет, миллион из них вернулись — им не удалось закрепиться: не было выделено достаточно средств на переселение, дотаций на обустройство и ведение сельского хозяйства.

Тем не менее, в итоге в Сибири было создано товарное сельское хозяйство, в отличие от Центральной России, где всё всегда упиралось в малоземелье, низкую продуктивность и ограничения со стороны общины. Начался первый масштабный период аграрного освоения.

Прерван этот процесс освоения был вовсе не смертью Столыпина, а русско-японской войной, точнее японско-русской, потому что всё-таки они на нас напали. Это была одна из первых войн 20-го века за передел системы рынков. За азиатский рынок уже тогда началась борьба: кто будет иметь контроль и доступ. И Япония, которая тоже проходила в этот момент первичную индустриализацию, как и Россия, претендовала на контроль за этими рынками.

Третья возможность освоения сибирских и дальневосточных земель возникла после Второй мировой войны. Если бы в тот период удалось договориться с Китаем и использовать китайский рынок для индустриализации Восточной Сибири и Дальнего Востока, мы бы сегодня имели совершенно другую ситуацию в этом регионе. Но мы не договорились. Потом возник конфликт на острове Даманский в 69-м году, и движение России в Азию опять было прервано. Это была уже третья неиспользованная возможность — в момент промышленной индустриализации 20-го века.

Теперь мы находимся в преддверии четвёртого витка — инновационной экономики и индустриализации нового типа, современной. И перед нами снова стоит дилемма: либо мы используем этот шанс, либо мы его в очередной раз упустим. Так что это действительно один из ключевых вопросов повестки дня следующих 15-20 лет: как Россия впишется в процесс азиатско-тихоокеанской интеграции и индустриального рывка, который характеризует этот макрорегион.

— Если говорить в целом — какие кластеры могут быть созданы здесь? И какие нужны в Сибири?

— Феномен кластера напрямую связан с тем показателем, который необходимо повысить для успешного развития этих земель — с плотностью деятельности на территории.

Суть кластера очень проста: эффективность экономической деятельности зависит от её плотности. Если на территории живёт три человека, то содержание инфраструктуры для этих трёх человек — транспорта, медицины, школ, электроэнергии — будет запредельно дорогим. Если плотность деятельности высокая и участников больше, инфраструктурные издержки те же, но они поделены между большим числом пользователей, и для каждого это становится более выгодно. Не нужно быть Нобелевским лауреатом и великим экономистом, чтобы это понимать.

А дальше начинается положительная и отрицательная обратная связь. Отрицательная вызвана тем, что если нас трое и проживание будет сверхдорогим, то люди голосуют ногами — они начинают стекаться туда, где жизнь дешевле. Если же у меня собралось большее число участников на территории, я могу с них получить деньги на современную инфраструктуру.

Проблема даже не в том, что, живя на территории втроём, люди получают дорогое обслуживание; они получают ещё и некачественное обслуживание, которое не соответствует современным стандартам. Поэтому те территории, где плотность выше, получают возможность для модернизации инфраструктуры, для создания современных сервисов. И каждому пользователю это стоит недорого.

Сегодня мы можем наблюдать, как деятельность всё больше и больше концентрируется в тех или иных территориях. И это относится к любому её виду. В эпоху первой промышленной революции концентрировалась одна деятельность — современная тому этапу, сегодня — другой вид, например инновационная деятельность. Её плотность в определённых точках планеты гораздо выше, чем в других. И люди, которые занимаются исследованием, проектированием, образованием, едут в эти точки.

Если говорить об образовании, работает тот же самый принцип: когда мы создаём вуз, в котором учится тысяча студентов, то руководство любого современного университета может только улыбаться по этому поводу. Для современных инновационных и предпринимательских вузов минимальная планка — 10-20 тысяч студентов. Если их меньше, то нет необходимой плотности образовательной деятельности на территории и не удаётся создать современную инфраструктуру, привлечь квалифицированные кадры. В этом смысле мы можем расписать любой вид деятельности: какой уровень плотности для неё необходим, и ниже какого уровня мы не можем рассчитывать на эффективность.

Собственно, кластер — название для того, о чём я сейчас говорю. Если нам удалось на одной территории собрать такую высокую плотность, то мы создали кластер. Кластеры бывают разного типа. Линейные производственные, которые создавались в 19-м — в начале 20 века: встык ставятся переделы одного и того же производственного процесса. Эффективность каждого повышается, а издержки понижаются.

ДОСЬЕ

ЩЕДРОВИЦКИЙ Пётр Георгиевич — эксперт по управлению развитием, по вопросам региональной и промышленной политики, инновационной деятельности и подготовки кадров; Советник генерального директора Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»; Президент Института развития им. Г.П. Щедровицкого; член правления фонда «Центр стратегических разработок «Северо-Запад»; заместитель директора Института философии РАН по научной работе; член Экспертного совета Агентства стратегических инициатив; член Совета кластера г. Железногорска.

Родился 17 сентября 1958 года в Москве, в семье философа и методолога Г.П. Щедровицкого. Закончил психолого-педагогический факультет Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина и аспирантуру Научно-исследовательского института общей и педагогической психологии Академии педагогических наук.

— Например?

— Например, если вы обрабатываете лес, то у вас есть научно-исследовательский институт, который занимается выведением современных пород леса, есть агрокультура, есть вырубка этого леса, есть переработка леса для какого-то конкретного производства. И ещё желательно, чтобы был образовательный институт для подготовки специалистов в этой сфере. И ещё, например, какой-то дизайн мебели или бумаги, если вы на этом специализируетесь. Вот вы собрали линейный кластер.

А бывают кластеры, которые построены на переброске знаний и компетенций из одной области в другую. Не одна линия, а несколько, и между ними разные переходы. Классический пример из истории: 1650 год, город Дельф, Голландия. Производят стёкла: увеличительные, линзы и прочие. Линзы используются в военно-морском флоте — для создания подзорных труб, в микроскопах — для создания современной исследовательской базы, в контрольной технике — чтобы увидеть, насколько качественно выделана ткань. Соответственно, для изготовления подзорных труб и микроскопов создаётся латунно-медное производство на той же территории. Медное производство позволяет делать гравюры по меди. И начинается так называемая кластерная синергия: технологические решения, полученные в одной области, неожиданно дают эффект в других областях. Это и есть современные кластеры, которые используют эффект экономики знаний.

Какой тип приживётся на наших сибирских и дальневосточных территориях, пока неизвестно. Есть масса нюансов. Поскольку Россия традиционно опаздывает, уже многие ниши заняты: многое делают японцы, китайцы, корейцы, вьетнамцы, австралийцы. Свою нишу надо искать. Нужно, чтобы целенаправленно работал аналитический и научно-исследовательский центр, который будет решать непосредственно эту задачу.

— А что касается людских ресурсов для освоения этих территорий?

— Один из плюсов потенциального создания госкорпорации — уже в том, что мы вспомнили, что у нас на востоке не хватает человеческих ресурсов. В первую очередь, нужны высококвалифицированные кадры. Мы хотим создать на осваиваемых территориях современную экономическую инфраструктуру, а поэтому требования к людям должны быть самые современные, во всех областях: в кадровом обеспечении, в архитектурно-градостроительном проектировании, в создании новых производств. И если там мало населения, значит, должен создаваться завод будущего: максимально роботизированный, с высокой производительностью и низким требованием к количеству работников. Для этого надо также перестраивать систему образования.

Каждый этап мирового развития характеризуется своим базовым процессом, своим типом социальной, кадровой и технологической политики. Столыпин мог осваивать этот регион за счёт аграрного развития. За счёт экспорта масла, мяса или зерна из этого региона Россия могла выйти на мировые рынки, потому что тогда это было востребовано. Советский Союз уже не мог этот регион осваивать только аграрно, он должен был идти туда индустриально, потому что тогда была востребована догоняющая индустриализация в промышленных отраслях.

Сегодня речь идёт об инновационной индустриализации, поэтому нельзя решить сегодняшнюю проблему методами Столыпина или большевиков. Нельзя решать задачу 21-го века методами 19-го и 20-го. Это нужно помнить, говоря о развитии Дальнего Востока и Сибири сегодня.

Благодарим за помощь в записи интервью Зою МИЛОСЛАВСКУЮ

Точка зрения на мегапроект

В апреле в Сибирском федеральном университете прошёл семинар по вопросам финансирования высшей школы, в котором приняли участие представители вузов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Редакция СФ воспользовалась случаем, чтобы узнать, как в университетах Хабаровского края, Иркутской области, Якутии, Бурятии, Тувы (и других) восприняли новость о создании госкомпании по развитию Сибири и Дальнего Востока.

Комсомольск-на-Амуре. Ректор Амурского государственного педагогического гуманитарного университета Александр Александрович ШУМЕЙКО

— Вы знаете, мы это уже проходили: и холдинги, и госкорпорации. Пока что вопросов больше, чем ответов. Я могу привести пример той же госкорпорации «РОСНАНО». Она создавалась в своё время с целью объединения всех научных школ, промышленных предприятий, имеющих прорывные технологии, чтобы сделать российские предприятия, учреждения, организации конкурентоспособными на мировом пространстве, в том числе и на образовательном. К сожалению, опыт не удался. Поэтому подобные вопросы требуют согласования, обсуждения.

— Каким, на ваш взгляд, может быть участие университетов в работе госкомпании?

— Если брать в пример Стэнфорд, где созданы технопарки и инновационные инкубаторы, — это, конечно, большое дело в прорывном направлении. И если у нас будет хороший симбиоз частно-государственного партнёрства, то и результат не заставит себя ждать.

Другой момент: созданы федеральные и национально-исследовательские университеты. А что дальше? Предполагалось, что в эти университеты приедут ведущие специалисты из Азиатско-Тихоокеанского региона (Сингапура, Тайваня), стран Европы, но этого не произошло. Не создан достаточно эффективный экономический механизм, который заинтересовал бы наших иностранных партнёров.

Вот сейчас вступаем в ВТО, а готовы ли к этому? Сомнительно: мы далеко не во всём конкурентоспособны. У нас в городе есть уникальное предприятие — авиационное производственное объединение имени Ю.А. ГАГАРИНА, где сконцентрирована новейшая импортная техника, куда миллиарды долларов вложены. Поэтому и построили здесь пассажирский авиалайнер пятого поколения «Суперджет 100». И в нашем же городе есть судостроительный завод, где станки 50-х годов — у предприятия нет средств на закупку современных. Разве захочет молодой инженер на таком производстве работать? А ведь этот оборонный завод-гигант выпускает атомные подводные лодки, крейсеры, корветы.

Что даст госкорпорация в конечном итоге — я не знаю, но если это поможет поднять с колен промышленность и остановить отток населения, я — «за».

Хабаровск. Первый проректор Хабаровской государственной академии экономики и права Ирина Борисовна МИРОНОВА

— В нашем регионе существует огромная проблема: некуда готовить технические кадры. Если взять территорию Дальнего Востока, то в Комсомольске-на-Амуре действуют два мощных градообразующих предприятия, а в Хабаровске, который раньше был промышленным центром, не работает ни один завод. Для кого выпускать инженеров?

Вузы для решения проблем Дальнего Востока и Сибири в госкорпорацию пока никто не звал. А инициатива в нашей стране редко бывает воспринята положительно.

Если госкомпания предусмотрит привлечение широкой научной и педагогической общественности в свои ряды, я думаю, это пойдёт ей на пользу. Не секрет ведь, что экономика США и европейских стран развивалась именно так, как советовали учёные. Придумал Джон КЕЙНС теорию — правительство США берёт её на вооружение, встраивает налоги как дополнительные стимуляторы в рыночную экономику.

К сожалению, разработки наших учёных зачастую остаются невостребованными. А если и работают «сильные мира сего», то исключительно с московскими вузами, а те, безусловно, не знают нашей региональной местной специфики. Поэтому и результат получается бумажный.

Если будет конкретный заказ дальневосточным вузам, я уверена, что наши учёные и преподаватели откликнутся, потому что они здесь живут и знают ситуацию изнутри.

Пока что новость о создании госкорпорации по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока воспринята в коллективе академии с настороженностью: мол, опять деньги куда-то вложат, а какой выйдет результат — непонятно.

— А освобождение от налогов, создание условий для инвестиций?..

— Это позитивная вещь, но опять же, когда мы освобождаем кого-то от налогов, мы должны понимать, что за этим последует нехватка финансирования каких-то программ, поскольку меньше денег пойдёт в бюджет. Меня как раз настораживает, когда освобождение от налогов не сопровождается, с одной стороны, реальным расчётом недопоступления денег в бюджет, а с другой — не просчитывается реальная эффективность того, на что пойдут деньги, сэкономленные предприятиями на налогах. В этом направлении в налоговой политике России на 2012-2014 годы предлагают ввести мониторинг налоговых льгот.

— С вашей точки зрения — какие первоочередные проблемы на Дальнем Востоке можно было бы решить с помощью создания госкомпании?

— Развитие промышленного и сельскохозяйственного производства и как следствие — повышение уровня жизни населения Дальнего Востока с тем, чтобы сократить миграцию в центральные районы страны, иначе население, в основном, будет скоро китайское. Сельское хозяйство в упадке, именно китайцы берут в аренду земли и обрабатывают поля с помощью технологий, небезопасных для человека. Надо что-то менять в этой ситуации, и как можно скорее.

Благовещенск. Ректор Благовещенского государственного педагогического университета Юрий Павлович СЕРГИЕНКО

— Дальний Восток характеризуется несколькими тенденциями, и одна из них — существенный отток населения. Сейчас возрождается идея конца XIX — начала XX веков, когда для стимулирования заселения этой территории были установлены особые преференции. Это было освобождение от воинской службы, от налогов, выдача на льготных условиях кредитов, снабжение сельскохозяйственной техникой и т.д. Общество развивается по спирали, и история повторяется, правда, на ином уровне.

Сегодня в Благовещенске много китайцев, представителей армянской, азербайджанской и грузинской диаспор, а вот выпускники нашего вуза спешат покинуть родные места и устроиться где-нибудь в центральных районах России. В Москве работают 12 докторов наук, которых мы в своё время направили туда на обучение. В последнее время мы стараемся не повторять этой ошибки (у нас остепенённость в университете — 72%), и если преподаватель поступает в докторантуру, он учится заочно.

Прослеживается тенденция — рост мегаполисов. А территория должна быть заселена равномерно. Кто у нас будет развивать промышленность? А ведь именно мы строим космодром «Восточный», откуда в 2015 году запланирован запуск первого космического аппарата. Наш университет там тоже задействован — проводим экологические исследования, будем в районах падения спускаемых частей космических аппаратов работать. Кадры для космодрома готовят и в классическом университете Благовещенска, отправляя их на доучивание в МАИ. Только гарантии, что они оттуда потом вернутся — никакой!

Вместе с космодромом «Восточный» (Благовещенск) будет построен и космический академгородок.

Полагаю, что надо было прежде провести своего рода эксперимент — создать что-то подобное в небольшом регионе и посмотреть, что из этого получится. Но, очевидно, Правительство РФ осознаёт, что больше так жить нельзя, и создание госкорпорации — это попытка исправить ситуацию.

Кызыл. Первый проректор по финансово-хозяйственной деятельности Тувинского государственного университета, к.э.н. Валерий Окпан-оолович ООРЖАК

— В целом я отношусь к этой идее положительно: это попытка Правительства России изменить ситуацию в Сибири и на Дальнем Востоке, остановить разрушительные процессы и перейти к созиданию. Что касается нашей территории, то пока у нас ещё очень слабо развита инфраструктура, хотя и началось строительство железной дороги Кызыл — Курагино.

Мы свою задачу видим в подготовке кадров для осуществления проектов госкомпании и понимаем, что это должны быть специалисты высокого уровня, конкурентоспособные и, в то же время, нацеленные на серьёзную научную деятельность.

Якутск. Первый проректор по финансово-экономической и коммерческой деятельности Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Амосова, к.э.н. Сергей Сергеевич НЕУСТРОЕВ

— В настоящее время самая главная проблема, которую испытывают вузы республики Саха, — отсутствие регионального заказа на подготовку кадров. Наш федеральный университет — скорее исключение, потому что мы находимся в более выгодных условиях и в 2012 году получили госзаказ от правительства республики на 150 студентов по разным направлениям подготовки, в том числе в сфере медицины, землеустройства, что актуально сегодня для региона.

Госкорпорацию по развитию Сибири и Дальнего Востока можно рассматривать как потенциального работодателя. Поэтому я воспринимаю этот проект положительно. У меня много ожиданий в плане изменения взаимодействия вузов с территорией по всем аспектам: образование, наука, технологии, трудоустройство выпускников, какие-то социальные вопросы.

Хочется надеяться, что появится региональная программа интеграции вузов с хозяйствующими субъектами, и госкорпорация возьмёт на себя роль лидера в таком деле. К слову, сейчас Северо-Восточный федеральный университет по заказу правительства Республики Саха разрабатывает программу социально-экономического развития г. Якутска. Мы готовы работать и с госкомпанией в плане научных разработок, потому что качественный уровень образовательных и научных услуг нашего университета отвечает запросам времени. Мы сейчас вопрос о создании госкорпорации изучаем, пока никаких предложений вузу не поступало.

Биробиджан, ректор Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема Лев Соломонович ГРИНКРУГ

— Идеи, заложенные в основе проекта, благие: льготный режим налогообложения, инвестиционная привлекательность. Но механизмы реализации и что за этим стоит — большой вопрос. Пока нет нормативной документации — обсуждать, по-моему, нечего. Если в ходе деятельности корпорации в образовательной сфере будет происходить только концентрация вузов, как это делается с федеральными университетами, то это не совсем правильно. Если речь идёт об освобождении от налогов, то равные права и преференции должны иметь все хозяйствующие субъекты, работающие на данной территории.

Приамурский государственный университет готовит всех специалистов — от техников до гуманитариев, работает на регион. Если корпорация закрепится только там, где есть федеральный университет, т.е. во Владивостоке, это может спровоцировать отток человеческих ресурсов со всех территорий дальневосточного округа. И что мы получим? Свято место пусто не бывает, эта территория будет кем-то заселена.

Нужно равномерно развивать всё Приамурье и особенно полосу, которая граничит с Китаем. Там должно закрепиться наше население.

СФ

Я и большущая страна

Госкомпания по развитию Сибири радикально изменит наше будущее. В будущее мы и решили заглянуть, вновь обратившись к мнению детей. Поскольку госкомпания будет стимулировать создание различных новых фирм и предприятий, мы предложили школьникам 6-7-х классов список из 10 сфер деятельности, попросив выбрать — в какой компании они хотели бы работать, когда повзрослеют? С некоторыми из ответов вы можете познакомиться, а общих замечаний — два. 1. Лидерами стали компании по переработке мусора, развитию сети туризма и созданию новых медицинских препаратов. 2. При любом выборе дети представляют себя почти исключительно директорами компаний.

Прокладка дорог

Я хотел бы работать в компании по прокладке дорог. Потому что без дорог ни скорая помощь, ни полиция, ни пожарные не проедут. Медикаменты и прочие запасы, необходимые для жизни, не смогут доставлять в город из-за того, что дорог не будет.

У нас в городе много дорог. Но они в плохом состоянии. И если бы я был главным в этой компании, я бы приказал, чтобы весь асфальт сняли и уложили новый.

Марк БОРОДОВИЦЫН, 6 Б

Я бы хотел работать в компании по прокладке дорог, чтобы все машины ездили тихо, и не было аварий. У моего папы есть машина. Мы один раз чуть не попали в аварию, потому что не заметили ямы.

Антон ТРОИЦКИЙ, 6 Б

У нас в России очень плохие дороги, а уж если ехать в какую-либо деревню, то на машине проехать страшновато. Это же не Япония, где всё современно, а большущая страна, которая занимает огромные территории..

Я бы была главным директором компании. Сама бы выбирала цвет асфальта и смотрела, куда его наложить. Эта работа трудна. Я представляю, что у меня сотня работников, и у нас есть завод, где производят асфальт. Я сама составляю список видов асфальта: цвет, ширина, толщина, форма, узоры…

Например, моя дача. Там не проехать — не пройти, но я бы сделала хорошую дорогу, и всё бы пошло на лад.

Вероника ИВАННИКОВА, 6 В

Переработка мусора

Мусора на земле очень много. Есть даже мусорный остров в Тихом океане, и люди не знают, что с ним делать.

От мусора надо избавляться, поэтому надо создать компанию по переработке мусора.

Я думаю, в этой компании будут работать самые простые люди. Они будут перерабатывать мусор в полезные экологичные материалы. Город тогда станет чище, и людям будет приятнее в нём жить.

Ксения ВАСИЛЕНКО, 6 Б

Я бы хотела работать в компании по переработке мусора, потому что хочу изменить к лучшему нашу страну или хотя бы наш город. Я, естественно, в этой компании буду директором, а все остальные работники будут весёлые и добродушные, а главное — яркие и чистые личности, которые отлично влияют на других людей.

Сначала мы будем устраивать общественные собрания на главных площадях, ну а если психологические меры не помогут, то придётся расставлять милиционеров, которые будут брать штраф с мусорящих людей. Надеюсь, они изменятся, а то надоело отставать от Европы!

Анна ВЕРЕТНОВА, 6 В

В нашем городе очень много мусора, и он скоро начнёт валиться отовсюду! Он будет мешать самым элементарным делам: играть детям во дворе, подросткам ходить в школу.

Наша компания по переработке мусора была бы очень большой, а я была бы главной. Мы бы переработали весь мусор, который есть в городе, и все бы были нам благодарны. А потом наша компания стала бы помогать другим городам, затем распространилась по всему миру. И мусора не станет так много. И будут новые леса, появятся новые растения, животные. Много места для новых деятельностей и отдыха.

Елена ПУШИЛИНА, 6 В

(Продолжение следует)

РГО. Красноярский масштаб

В апреле нынешнего года, выступая на заседании попечительского совета Российского географического общества в Санкт-Петербурге, Владимир ПУТИН (тогда ещё Председатель Правительства РФ) сказал: «Не могу не отметить и волонтёрскую акцию по очистке от мусора берегов крупнейшей реки Сибири — Енисея, в которой приняло участие свыше 1000 человек. Члены РГО обратились к местным властям с предложением сделать эту акцию ежегодной и учредить День Енисея. Инициатива была поддержана, и теперь у нас в России появился первый экологический праздник, запущенный на региональном уровне по инициативе общественной организации. Надеюсь, что это станет примером и для других территорий России, положит начало хорошей и крепкой традиции».

Указ об объявлении каждой последней субботы сентября Днём Енисея подписал 30 января 2012 года Губернатор Красноярского края Лев КУЗНЕЦОВ.

Вслед за сибирскими первооткрывателями

Похоже, что Красноярский край, кстати, второй по величине регион России (первый — Республика Саха), благодаря деятельности краевого отделения РГО действительно становится географическим центром России во всех смыслах. Что же это за организация, которая всё активнее заявляет о себе?

— Красноярское краевое отделение было создано в 1901 году и в прошлом году отпраздновало своё 110-летие, — рассказывает первый заместитель председателя, исполнительный директор Красноярского краевого отделения РГО Геннадий Георгиевич ЛУБИНЕЦ. — Вы, наверное, слышали, что именно члены Сибирского отделения РГО помогали создавать Красноярский краеведческий музей? Активисты общества в своё время спасли территорию будущего заповедника «Столбы» от разрушения (при советской власти там планировали добывать гальку, древесину и т.д.). Сегодня об уникальном природном комплексе знают во всём мире! Поэтому в сентябре прошлого года мы открыли на Столбах «Тропу Русского географического общества» — первый в нашей стране экологический маршрут, созданный в честь общественной организации. Там, на маршруте, применили передовой мировой опыт — новую для России систему обустройства горных троп с помощью винтовых свай.

— Геннадий Георгиевич, история РГО действительно богатая, ваши предшественники открывали новые земли по всему свету. А какова миссия организации сейчас?

— Главными направлениями нашей работы являются: природоохранная и просветительская деятельность; исторические и археологические исследования региона, развитие внутреннего и въездного туризма. Мы также видим свою миссию в том, чтобы формировать привлекательный имидж края и России в целом, заниматься пропагандой и воспитанием молодёжи, поэтому создание проектов для детей и юношества — наша приоритетная задача.

Недавно красноярское отделение общества помогло издать очень интересный душевный сборник легенд об удивительно красивом природном парке Ергаки. Есть в Ермаковском районе небольшой посёлок Арадан — всего-то 300 жителей. Стоит он на федеральной трассе. В посёлке — проблема с электроэнергией: дизель-генератор вырабатывает её три часа в утреннее время и столько же — в вечернее. В средней школе учатся порядка 40 детей. И, представьте себе, в этой глуши учитель немецкого языка и рисования Елена Александровна ПОЛЕВА собрала группу ребятишек и предложила им пофантазировать, написать сказочные зарисовки о своей малой родине и проиллюстрировать их. Увидев результат, преподаватель выступила с инициативой издать эти жемчужины детского творчества в одном сборнике. Скоро школы края получат в подарок «Легенды о родном крае» из Арадана.

Чтобы активизировать просветительскую и экспедиционную работу нашей организации, создаём свои отделения по краю. Так, в настоящее время формируется Канское городское подразделение Красноярского краевого отделения РГО, возглавляет эту работу Андрей Михайлович БЕРЕСНЕВ, председатель местного горсовета.

— Почему именно в Канске?

— Это четвёртый по величине город в крае, старинный, купеческий. Здесь в 2000 году на базе арсенала ВМФ России был создан единственный морской кадетский корпус в Сибири и Забайкалье, и ему было присвоено имя святого Апостола Андрея Первозванного. Возглавляет учебное заведение капитан первого ранга Анатолий Алексеевич БУРУНДУКОВ, тоже член Красноярского краевого отделения РГО. Воспитанники канского корпуса несколько раз побеждали на общероссийских соревнованиях среди кадетских морских корпусов России. В прошлом году, когда ребята ездили в Санкт-Петербург, мы им организовали посещение головного офиса РГО на ул. Гривцова, 10. Это старинное здание, где находится отличный музей и прекрасная библиотека.

— Насколько я знаю, в настоящее время идёт работа и по созданию Норильского отделения ККО РГО?

— У нас там действует группа активистов и, я думаю, к осени отделение начнёт функционировать официально. На севере — непочатый край работы, и отделение должно быть мощным, но без поддержки местной власти нам не обойтись.

Другое подразделение общества уже функционирует в Минусинске, где находится краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, самый первый на территории Красноярского края. Гордость этого музея — богатейшая коллекция художественной бронзы; древних каменных изваяний и писаниц Южной Сибири; китайских средневековых зеркал; китайских монет и т.д. Коллекция музея была отмечена на Всемирной выставке 1900 года в Париже.

Очень важно сейчас оцифровать все экспонаты, сделать общедоступной базу этого музея, чтобы из любой точки мира можно было зайти в Интернет и получить весь пакет образовательных услуг. Думаю, с данной задачей нам поможет справиться Сибирский федеральный университет, с которым у нас завязались прочные деловые отношения.

— Слышала, что краевое отделение РГО собирается открывать свои центры в Монголии и во Вьетнаме…

— А почему бы и нет? Сейчас Вьетнам — высокоразвитая страна, она интересна своим географическим положением: отсюда можно организовывать экспедиции в различные страны Юго-Восточной Азии, к тому же, с Вьетнамом, ещё во времена СССР, сложились давние дружественные отношения. Нам интересна культура, обычаи жителей этой страны. Что касается Монголии, то хоть она и граничит с Россией, но там свой экзотический быт, совершенно иная культура. Страна тоже интересна своей историей и местонахождением.

— Каких изменений ожидают члены краевого отделения РГО в связи с перспективой создания в России госкомпании по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока?

— Будущее России зависит от дальнейшего развития этих богатых природными ресурсами территорий, но люди (особенно высококвалифицированные специалисты) отсюда массово уезжают. Госкомпания приходит в эти места на 25 лет, что означает экономическое развитие региона, развитие социальной сферы, создание условий для достойного проживания граждан. Мы ожидаем, что будет уделяться большее внимание природоохранным мероприятиям. В связи с развитием инфраструктуры (строительство дорог, подключение к электросетям) появятся новые туристические маршруты, начнёт более активно развиваться внутренний и въездной туризм.

Дню Енисея — быть! Фото Татьяны НЕФЁДОВОЙ

Что касается нашего края, то ККО РГО поддерживает очень перспективный в этом отношении проект — создание этнотуристического комплекса «Девятая верста». Площадка для его строительства находится рядом с микрорайоном Солнечный, недалеко от крупной транспортной развязки, что обеспечивает выходы на север, восток и запад; и в то же время она расположена в черте города, что очень удобно.

Ежегодно по федеральной автотрассе мимо Красноярска в сторону Байкала проезжает более двух тысяч автомототуристов из стран дальнего зарубежья. Новый комплекс будет для них остановкой в пути, поможет сориентироваться на красноярской земле, познать её богатый культурно-туристический потенциал и выбрать интересные маршруты.

Благодаря удобному расположению комплекс может служить местом семейного отдыха красноярцев, путешественников из других регионов и зарубежных туристов. Он объединит мемориально-культурную зону «Девятая верста Василия Сурикова», тренировочную базу для туристов всех возрастов, гостиницу, соответствующую мировым стандартам и будет презентовать все туристические продукты, имеющиеся в регионе. Под эти цели выделено 14 га земли. Курирует этот проект Игорь Анатольевич СПИРИДЕНКО, который сам за рулём мотоцикла исколесил в стране и за рубежом многие тысячи километров.

Туризм безопасный и увлекательный

— Сейчас объект — на этапе проектирования, — подтверждает И.А. Спиридонко, — эскизы готовы, документы согласованы, земля — в стадии перевода из сельхозугодий в особо охраняемую зону. В течение четырёх лет планируем этнотуристический комплекс «Девятая верста» возвести.

— Игорь Анатольевич, вы изучали запросы населения. Например — что хотят увидеть туристы в нашем крае?

— Кого-то увлекает экологический туризм (водные, пешие и велосипедные маршруты), кого-то деревенский быт, а кого-то охота, рыбалка. Поэтому в районах края будем создавать базы по интересам. Иностранных туристов (в особенности учёных) привлекает место падения Тунгусского метеорита, интересует плато Путорана и нетронутая наша природа. Любопытны и страницы истории «в чёрно-белых тонах»: некоторые иностранные туристы стремятся узнать поближе ту часть России, которая была связана с системой ГУЛАГ. Что ж, это тоже часть нашей истории, но чтобы обеспечить такие маршруты, предстоит ещё много поработать.

На сегодняшний день у краевого отделения РГО сформирован разнопрофильный продукт: конные и пешие маршруты, полёты на парапланах, продолжительные таёжные походы, в том числе экспедиции на север до озера Таймыр, по реке до Карского моря и вверх по Енисею. Есть в арсенале общества экспедиции до 3 тыс. км (бывает, люди три месяца находятся в пути).

Красноярское краевое отделение РГО и Главное управление МЧС России по Красноярскому краю подписали соглашение о сотрудничестве, и на сегодняшний день уже выпущен «Атлас безопасного туризма в Красноярском крае». Если раньше зарубежные туристы и гости из других регионов России частенько попадали в экстремальные ситуации, то теперь неприятности можно легко предотвратить.

Недавно краевое отделение РГО прошло перерегистрацию, сейчас в его составе более 300 человек. Пытаемся развивать волонтёрское движение, создавать детско-юношеские клубы. Это отдельные проекты. В крае довольно много людей, готовых самозабвенно заниматься изучением флоры и фауны (порядка 50 проектов!), людям нужна просто поддержка властей и финансирование. По мере возможности оказываем им информационную и финансовую помощь. В планах, например, создание музея под открытым небом — историко-этнографического комплекса «Красноярский острог» в парковой зоне острова Татышев.

— Много ли сегодня в крае предприятий, фирм, занимающихся внутренним и въездным туризмом?

— Мы составляем перечень организаций, осуществляющих такой вид деятельности. В регионе их крайне мало. Это очень важное дело, поэтому нужен общий системный подход. Сейчас наше отделение вместе с управлением МЧС вышло с инициативой создания в Красноярском крае саморегулируемой организации (СРО) по развитию внутреннего въездного туризма, чтобы все заинтересованные люди в неё вошли, и родился единый регламент для обеспечения безопасности и экологичности туристской деятельности. Всегда проще проблемы решать на опережение, а дикий туризм — это и пожары, и жертвы. Надо работать. Под лежачий камень вода не потечёт.

Национальная идея

С Валентиной Юрьевной БУСЫГИНОЙ, руководителем Центра регионального развития исполнительной дирекции РГО (г. Москва), мы говорим по телефону.

— Валентина Юрьевна, вы отвечаете за региональные программы Российского географического общества. Какие регионы отличаются успешностью своей деятельности?

— У нас много таких регионов и особо можно отметить Красноярский край, Хакасию, Ивановскую и Ульяновскую области. Критериев оценки работы очень много: здесь и научная деятельность, и экспедиции, и работа с молодёжью, и инновационные проекты.

Красноярское отделение в минувшем году организовало несколько проектов, каких вообще нигде ещё не было. Например, в заповеднике «Столбы» открыта тропа в честь общественной организации РГО, учреждён «День Енисея», который будет теперь отмечаться ежегодно. В середине мая в Ивановской области состоялся первый слёт региональных лидеров, где они обменялись опытом, новыми идеями, представили свои интересные проекты и рассказали о своей деятельности друг другу.

— А межрегиональные общие проекты есть?

— В прошлом году стартовал очень интересный проект на Кавказе, в нём задействованы Чеченская республика, республики Татарстан и Дагестан. Проект посвящён комплексному исследованию самого крупного высокогорного водоёма Северного Кавказа — озера Казеной-Ам. С этим озером связано множество легенд, а местные жители вообще уверены, что у Казеной-Ам нет дна. Многие тайны предстоит разгадать исследователям, я думаю, проект продолжится и в этом году.

Нынешним летом на территории Красноярского края развернётся международная археолого-географическая экспедиция «Кызыл – Курагино», будет работать полевой археологический студенческий лагерь «Долина царей». Это один из самых значимых и познавательных проектов, получивших грант РГО. Будут проводиться раскопки, и вполне возможны научные сенсации.

В Ермаковский район приедут более 600 студентов из ведущих вузов 22 стран мира. Их задача — совместно с профессиональными археологами провести раскопки в зоне, где планируется строительство железной дороги «Кызыл-Курагино». На сегодняшний день вдоль маршрута будущей дороги зафиксировано свыше 70 объектов культурного наследия, которые ожидают своего изучения. Проект курируют первые лица государства.

— В рамках проекта «Кызыл-Курагино» объявлен конкурс участников-волонтёров. А по другим проектам? Например, у РГО ведь были и арктические экспедиции…

— В арктических экспедициях волонтёры пока не участвовали, а вот победители конкурса «Парусная кругосветка. По следам Крузенштерна» смогут присоединиться к кругосветной экспедиции, которая стартует в мае этого года из Санкт-Петербурга. Ребята получат возможность пройти тысячи миль под парусами знаменитого барка «Седов» и поучаствовать в съёмках приключенческого фильма.

— Одной из задач РГО является развитие туризма в нашей стране. Есть планы развития туристских маршрутов на Шпицбергене и некоторых архипелагах северных островов, но сейчас это погранзоны, закрытые не только для иностранцев, но даже для российских граждан. Например, у нас в Красноярском крае в Дудинке иностранные туристы (даже жители стран СНГ) не могут сойти на берег с корабля без специального пропуска пограничных служб. А в тот же Диксон даже россияне без пропуска не попадут. Этот вопрос как-то будет решаться в рамках страны?

— Проблема действительно есть. Надо закреплять нормативными документами новый порядок и решать всё в комплексе. РГО сегодня — это экспедиции, работа с молодёжью, масштабные экологические мероприятия, которые развиваются по всей стране. Это, если хотите, своего рода национальная идея!

***

В мае Красноярское краевое отделение РГО совместно с МРСК Сибири и СФУ проведут экологическую акцию — высадку деревьев в краевом центре (Всероссийский день посадки леса). В начале лета продолжится благоустройство Тропы Каштаковская (фан-парк «Бобровый лог» — Центральные Столбы).

Вера КИРИЧЕНКО

Лесные доктора

Более 160 млн гектаров леса, десятая часть всех российских запасов древесины и шестая часть запасов древесины промышленной — таковы лесные фонды края. Достижения красноярской лесной науки адекватны таёжным богатствам. Центр защиты леса Красноярского края (одно из подразделений филиала ФБУ «Рослесозащита») ведёт генетические исследования наравне с передовыми научными лабораториями мира. Рассказывает Владимир СОЛДАТОВ, директор центра, признанного в 2007 году лучшим в России.

— Владимир Владимирович, от чего всё-таки нужно в первую очередь защищать лес?

— Главная обязанность нашего центра — защищать леса от болезней и вредителей. Служба лесозащиты создавалась специально для этого, и центр — это большая производственная лаборатория.

К примеру, мы отвечаем за качество лесных насаждений, занимаясь предварительным фитопатологическим анализом семян. Производственники, которые засевают огромные площади, должны чётко знать, что получится на выходе: если семенной материал окажется больным, могут погибнуть тысячи гектаров.

В нашей лаборатории семена, собранные на разных участках леса, проходят проверку. При этом мы располагаем и классическими методами фитоанализа, и самыми передовыми. Если при традиционных исследованиях результаты приходится ждать 3 недели, то с привлечением ДНК-анализа качество семян можно проверить всего за один день.

— Это как-то связано с решением создать при центре базовую кафедру Сибирского федерального университета?

— Да. Мы имеем единственную в крае лабораторию, которая позволяет проводить законченный цикл геномного анализа хвойных деревьев. Будем обучать студентов современным методам анализа ДНК. Получается классическая связка: наука, практика и образование.

Генетические исследования в какой-то степени отражают название кафедры: современные методы мониторинга лесов. Ведь ДНК-анализ — это тоже мониторинг, просто слежение ведётся за более тонкими материями. Хотя мы занимаемся и глобальным мониторингом состояния лесов — исследованиями в области дистанционного зондирования Земли с применением геоинформационных технологий. В этом наш Центр защиты леса один из лидеров лесной отрасли.

Помимо базовой кафедры СФУ у нас функционируют филиалы кафедр экологии и защиты леса и лесной таксации и лесоустройства СибГТУ. Сложился удобный алгоритм сотрудничества: набираем студентов с 3 курса, к 5 курсу появляется понимание, подходим мы друг другу или нет. Берём к себе лучших.

У нас работают уникальные специалисты, энтузиасты своего дела, талантливая и перспективная молодёжь.

— Как вам это удаётся, вы же бюджетная организация, и финансирование соответствующее?

— Мы пытаемся делать всё, чтобы людям было комфортно здесь работать. У нас созданы довольно хорошие социально-бытовые условия для сотрудников: есть комната отдыха, большая кухня-столовая со всем необходимым, современные и функциональные конференц-зал и спортзал. Текучки кадров нет вообще, мне поступает по 10-15 резюме в неделю. Важно и то, что мы постоянно привлекаем коммерческие проекты, работаем по грантам. К примеру, сейчас пытаемся получать гранты на расшифровку генома лиственницы.

— Почему именно лиственницы?

— Выбор не случаен. В мире существуют свои приоритеты в работе над расшифровкой генома древесных растений. Лиственница, наверное, наиболее важная для России порода, можно сказать, это символ страны. И Сибири. Мы ведь северный регион, и для хрупких северных экосистем лиственница имеет особое значение, лиственницами покрыты огромные территории края.

Хотя, конечно, когда на научном совете делали выбор главного объекта исследований, были и другие предложения, например кедр. Но и по кедру мы тоже работаем, возможно, он следующий в очереди «на расшифровку».

— Какие-то результаты по лиственнице уже есть?

— Работы по проекту только начинаются. Первые данные получены, находятся на обработке в Москве. Но чтобы расшифровать геном полностью, нужны серьёзные вложения в техническую часть. Буквально на днях мы ожидаем поставки дорогостоящего прибора — секвенатора. Третьего в России и первого за Уралом. Кстати, в Китае секвенаторов более 130 штук, 80% всех мировых приборов…

Есть у нас и климаткамера, где можно менять влажность, температуру и освещение, что необходимо для наших экспериментов по изучению транскриптома.

Интерес к нашим исследованиям огромен. В России пока ни одного крупного генома до сих пор расшифровано не было. Мы сейчас, в связке с СФУ и Институтом леса им. В.Н. Сукачёва, единственные в стране, кто комплексно занимается геномным анализом древесных растений. Всё это без преувеличения передовой край науки. По некоторым работам мы, вероятно, получим данные одновременно с ведущими зарубежными учёными.

— Для чего вообще нужна расшифровка генома деревьев?

— Это очень важные знания. Сегодня, например, уже выращивается генно-модифицированная пшеница, которая устойчива к фитозаболеваниям.

Если немного пофантазировать — а ведь фантастика всегда опережает научную мысль, — то теоретически можно вывести дерево, генетически устойчивое к лесным пожарам. Кстати, лиственница — одна из самых стойких к огню пород.

Или, к примеру, мы можем «запрограммировать» деревья так, чтобы они давали высокопроизводительный древостой с низкой сбежистостью стволов. Сбежистый — значит со стволами в форме «морковки».

Или вот ещё пример. Для России, как и для многих стран, очень актуальна проблема нелегального использования древесины. Мы в нашем центре для идентификации места заготовки предлагаем использовать ДНК-маркеры.

— Чтобы определить, «откуда дровишки»?

— Именно. К примеру, у проверяющих органов возникает вопрос: откуда лес в таком-то вагоне. Владелец отвечает: вырублен в таком-то квартале. Мы проводим генетический анализ и определяем, правда ли это. Таким образом, государство получает мощный, быстрый и точный инструментарий для выявления нелегальных рубок.

Всё это пока задачи на будущее. А сегодня мы используем генетический анализ, создавая «кладовые» качественного леса.

Ещё в 80-е годы у нас в крае были заложены маточные плантации: с клонами так называемых плюсовых деревьев. Отбирались самые сильные здоровые кедры или лиственницы, их побеги прививались саженцам, которые становились клонами лучших в лесу деревьев: примерно 60 клонов на одно отборное дерево. Краевые архивы клонов и лесосеменные плантации — часть единого генетико-селекционного комплекса России — занимают порядка 120 гектаров.

Сейчас в нашей лаборатории идёт масштабная работа. Мы проверяем, насколько выросшие плантации генетически соответствуют своим плюсовым родителям. Если при закладке произошла ошибка, выявляем это. Так удаётся привести в порядок ценнейшие фонды.

Лесосеменные архивные плантации есть по всей стране. После закладываются плантации второго порядка, с которых уже получают элитные семена. В крае пока идёт проверка посадок первого порядка.

— Обычно считается, что Сибирь — лесная кладовая, что наши ресурсы значительны даже в мировом масштабе… Это правда? Надолго ли нам хватит лесных богатств?

— Да, кладовая. Но я бы не сказал, что леса действительно столь много, как об этом принято говорить. Северная экосистема очень ранима, ничего не стоит повредить её.

Простой пример. Вчера вышел прогуляться на набережную у нас в Академгородке. Весь южный склон — поранен. И не просто вытоптан людьми, а заезжен машинами, которые повреждают верхний слой лесной почвы. Повсюду мусор, кострища…

Спасение для наших лесов — что сибирская тайга труднодоступна. Это счастье для всего мира, что она далеко. «Леса — лёгкие планеты». Это штамп, но это действительно так! Наши сибирские леса, бореальный пояс — действительно источник всех благ на Земле. И проблема сохранения леса — не только наша, это касается всех людей земного шара.

Надолго ли хватит леса? К сожалению, на сегодня мы не располагаем достаточной информацией о состоянии лесных ресурсов. Что вырублено, что сгорело, каков прирост за последние годы — точных цифр нет. На сегодняшний день необходима точная оценка состояния лесного фонда РФ и его регулярная актуализация.

— Центр защиты леса занимается мониторингом лесов?

— Конечно, основное и важнейшее направление нашей работы — мониторинг состояния лесов Красноярского края и Республики Хакасия наземными и дистанционными методами. В своей работе мы пользуемся современными программными средствами (геоинформационные системы). Для систематизации и визуализации результатов лесопатологического мониторинга лесов наши специалисты участвуют в создании единой общероссийской информационно-аналитической системы ФБУ «Рослесозащиты».

Недавно на конференции по информатизации лесного комплекса России в Москве нас просто разорвали на части. Здесь, в центре, делается уникальный продукт, востребованный по всей стране, — общероссийский лесной портал, наполнение которого осуществляется с помощью специальных программ, написанных нашими программистами.

Лесопатологи Сибири и других регионов, которые работают в лесу, не выходят на объект без наладонных компьютеров. Полевые данные, которые они собирают на месте, автоматически превращаются в карты и таблицы, все вместе они дают анализ состояния лесного фонда России. Можно будет зайти на эту общую карту и посмотреть в режиме онлайн, какие насаждения имеются в определённой точке, в каком они состоянии, какие санитарно-оздоровительные мероприятия рекомендуется провести. К этому картографическому сервису могут быть подключены системы дистанционного мониторинга Рослесхоза, которые, в частности, позволяют следить за лесными пожарами.

— То есть по таёжному бурелому бродят лесничие с компьютерами…

— Лесопатологи. Мы организация, которая занимается лесной патологией — как раньше называли, «лесные доктора». Конечно, с компьютерами. Кроме них наши специалисты имеют GPS-навигаторы, другую современную технику, в том числе дорожную — трактора, вездеходы, даже снегоболотоходы — сами знаете, какие дороги в Сибири. Раньше мы пользовались услугами лесхозов, они могли отвезти на любой участок. Сегодня такого нет, нам самим приходится закупать технику и эксплуатировать её.

— Владимир Владимирович, как вы считаете: состояние леса в крае ухудшилось за годы «дикого капитализма»?

— Моё мнение — да. Вот взять одну из проблем — нашествие шелкопряда. В 90-е годы произошла вспышка массового размножения этих насекомых: гусеницы распространились на территории в полтора миллиона гектаров. И одна из причин такого распространения — состояние леса. У нас перестойные леса, пожилые, к ним цепляются все болячки — совсем как к старым людям. А перестойных лесов много в том числе и потому, что неправильно ведутся рубки. Старый лес надо рубить в первую очередь, сохраняя молодые деревья. Так делают в Америке, в Канаде: рубят по состоянию, начиная с проблемных насаждений. А у нас вырезают тот лес, который доступнее, невзирая на состояние.

Часто мы просто ничего не можем с этим поделать. В советские времена существовало чёткое правило — проводить первоочередную рубку в повреждённых древостоях. И оно выполнялось. Сегодня, несмотря на принятые законы, с этим проблемы. Арендатор говорит: мне не выгодно вырубать сухой лес на дальнем участке, туда надо прокладывать дорогу. Лучше я срежу зелёный.

Правоприменение страдает, государственный рычаг для воздействия на лесопользователя работает слабо.

Из-за наших больших территорий и «несоответствующего» хозяйствования и возникают проблемы. Остаётся огромное количество сухого леса — отсюда вторая большая беда: лесные пожары. В сухом лесу накапливается много ветоши, и пожар при попадании грозовых разрядов вспыхивает в секунды. Огонь распространяется на огромной площади, тушить такой пожар не хватает ни человеческих, ни финансовых ресурсов.

Хочу отметить, что после лесных пожаров в европейской части России в 2010 году государство обратило на проблему внимание, сейчас её решение финансируется отдельно. Но всё равно средств не хватает.

— То есть государство всё же решает этот вопрос?

— Да, но строго говоря, если леса горят — при чём здесь президент? Посмотрите статистику: причина огромного числа пожаров — это человеческий фактор. Достаточно одного брошенного окурка, осколка стекла, непотушенного костра, и может возникнуть крупный лесной пожар. Необходимо воспитание с самого раннего детства: нельзя поджигать траву, ломать ветки, мусорить в лесу… Посмотрите — в Европе леса практически не горят! Или Беларусь — лесная страна, но ничего не горит! Более жёсткие законы, но главное — другая ментальность: за 90-е годы там не утеряно бережливое отношение к лесу.

Начинать каждому надо с себя. Не будем бросать окурки — и, возможно, уже этим спасём страну… Мы должны учить детей так, чтобы новые поколения понимали: лес — наше национальное достояние. Как? Это вопрос, извечный для России.

— А вот, например, китайцы — они угроза нашему лесу? Огромная масса сибирской древесины уходит в Китай…

— Да, китайцы к своим лесам очень бережно относятся. И предпочитают покупать лес у нас. Им всё равно, какой он: заготовленный легально или сворованный. Но воруют-то наши! К сожалению, к этому существуют предпосылки, и законодательные, и социальные.

Сейчас Россия участвует в международных процессах FLEG, направленных на пресечение нелегального оборота древесины. Правительство принимает меры: например, были повышены пошлины на круглый лес. Но что сделали китайцы? Повысили цену на круглый лес, и возить его по-прежнему выгодно. Вот такая политика — кто кого «передумает».

Конечно, нам нужны предприятия глубокой лесопереработки, ведь это сплошные плюсы: решаются социальные вопросы, обеспечивается занятость людей, платятся налоги. Но пока примеров таких заводов очень мало. Посмотрите: в магазине «Леруа Мерлен» продаётся канадская ДСП. А вся китайская и итальянская мебель, которая стоит в наших кабинетах, делается из ангарской сосны…

За 90-е годы мы много потеряли в производстве. Строятся сплошь торгово-развлекательные центры — весёлая страна Россия. Необходимо задуматься над тем, как правильно использовать наши ресурсы. Я очень надеюсь, что в лесопользовании когда-нибудь победит здравый смысл и наступит время, когда обеспеченные люди и бизнес начнут вкладывать средства в Россию.

— Владимир Владимирович, можно ли сформулировать краткие итоги работы вашего центра?

— Наш коллектив в 105 человек обслуживает территорию в 160 млн гектаров, это огромнейшие площади. Скажу честно, людей не хватает, чтобы досконально изучить свой ресурс. И поскольку в лесу идут негативные процессы — значит, и работаем не совсем хорошо.

Да, мы поставляем информацию и на уровень администрации края, и на уровень федерального агентства лесного хозяйства. Но как её используют? Какие управленческие решения принимаются? Пока результатов особых не видно. Быть может, нам надо собирать данные в каком-то ином формате? Важно чтобы чиновники высокого ранга понимали, что происходит, и инициировали адекватные меры — вплоть до изменения законодательства.

И всё же мы многого достигли. На мой взгляд, наша организация — некая точка роста. За 90-е годы лесная отрасль потеряла много классных специалистов. Люди ушли на пенсию, а новые не пришли, пропала преемственность поколений. Но мы за 20 лет создали новый потенциал, воспитали уникальные кадры. У нас работает замечательная молодёжь. Создан совершенно новый подход к работе, новый инструментарий, люди выкладываются по полной.

И я могу без ложной скромности сказать, что в своей области мы — лидеры и известны не только российской, но и мировой научной общественности.

Мы не научная организация, производственники, но с нами советуются, к нам приходят учиться.

Татьяна АЛЁШИНА

Исторический шанс стране критиков

(Окончание. Начало на стр. 5)

Кстати, сибирская ментальность заметно отличается от европейской русской ментальности. Я проводил специальное исследование на эту тему. Из 10 культурных факторов, которые приводят к успешной деятельности «ненормально» становящегося государства — 8 у нас есть.

— Это что, например?

— Установка на труд, на качество образования, на честность… И только два параметра вызывают вопросы. Во всём мире отношение к религии — это семейное дело, оно не распространяется на бизнес. А у нас 25% людей считают, что и работу нужно подчинять своим религиозным взглядам (при этом наша культура, как известно, основана на православии, которому свойственна большая созерцательность…) .

И самое главное: почти 48% считают, что нужна вертикаль власти. В этом смысле появление госкорпорации учитывает эту ментальность. Но меня радует, что 52% студентов Красноярска уже понимают, что нам не хватает как раз горизонтальных доверительных связей, позволяющих и быстро решать проблемы, и справедливо делить полученные доходы.

— Что конкретно и прямо сейчас нам (и местной власти, и обществу) следует делать в этой новой реальности — развитии по сценарию госкомпании?

— От выборов мэра Красноярска сейчас очень многое зависит. Либо он будет по-прежнему осуществлять столь популярную в народе идею — быть хорошим дворником и завхозом миллионного города; либо будет искать, как использовать наши ресурсы, как лоббировать наши интересы в коридорах корпорации… У него заместители должны быть завхозами, а мэр должен мыслить стратегически, быть лидером.

Нужно расширить круг участников диалога, привлечь других людей и слушать не только себя.

Но самое главное — нужно понимать: а почему только 25 из 200 стран мира стали успешными и развитыми? Что у них произошло — в головах, в семьях, в детских садах, в университетах — что они смогли осуществить прорыв? Надо поощрять и приветствовать любые совместные виды деятельности с такими странами — может быть, от этого будет больший толк, чем от случайных проектов с такими же обществами, как мы.

Мы как страна в ужасном цейтноте. По разным оценкам у нас всего 10 лет для модернизационного прорыва. Не понимая этого, трудно понять, оценить и принять предлагаемый необычный проект госкорпорации.

В мои студенческие годы была популярна фраза известного физика: «Эта теория безумна — но достаточно ли она безумна?». Идея госкорпорации — если использовать наше понятие — несомненно «ненормальна», но достаточно ли она «ненормальна», чтобы быть адекватной ситуации и реально состояться? Мне кажется, именно в этом направлении необходимы её восприятие и анализ.

— Но пока широкого обсуждения нашего участия в этом новом формате развития Сибири — нет…

— Нужна новая общая мечта. Разве может быть мечтой совершенно тривиальный проект освоения Приангарья? Разве мы будем жить счастливо, построив ещё один алюминиевый завод?

Почему бы не предложить другую мечту — стать одним из центров развития мира. Интеллектуальные центры Силиконовой долины США расположены не в столичных городах, но их влияние на весь мир огромно. Мы что, глупее их?

Нам нужно больше свободы действий. Те, кто любит маршировать в колоннах, — пусть маршируют. Но какая-то часть людей способна жить самостоятельно. Сибирь должна стать пространством многих параллельных миров жизни и деятельности. В конце концов, разместив новое население Сибири (а по планам корпорации сюда должно дополнительно приехать 5 млн человек!) в южных районах края, мы получим даже более благоприятное жизненное пространство, чем в Канаде. И корпорация, я думаю, найдёт такие территории: предполагается, что у неё будет право размещать новые предприятия на тех землях, которые ей подходят, а не которые муниципалитеты попытаются «пристроить».

Все риски и угрозы создания новой госструктуры понятны и предсказуемы. Они могут быть устранены и уменьшены только активной позицией населения Сибири. Нужно вспомнить старинные сибирские забавы: стенка на стенку. Если вновь будет пустота, если возражений не последует, то — чиновники договорятся, и повторится вновь худший вариант развития событий.

Но если университеты Сибири начнут готовить широко и глубоко образованных людей, если возникнет новая культурная среда, которая сформулирует и будет диктовать нужное нам развитие, — то что плохого в этом проекте?

— Но ведь это нужно не завтра, а уже сейчас. Вы приглашаете чиновников на ваши экспертные обсуждения?

— Наших чиновников юристы затащили в болото. Чиновник-то работает по законам, а юристы хотят жить в мире стабильных долговременных законов, и их можно понять. Но если ситуация перестаёт быть стабильной, срывается в вихрь изменений?

В одном из последних выступлений Путина перед Госдумой была фраза: весь мир в турбулентной зоне (кстати, это понятие — «глобальная турбулентность» — экспертное сообщество произнесло ещё в конце 2008-го года).

А что такое турбулентность? Это не хаос, это новый вид упорядоченности, который сметает всё прежнее. И какова скорость изменения законов должна быть в такой период?

Госкорпорация появилась тогда, когда Путин признал эту новую мировую идею: необходимость жить в турбулентном глобальном мире. Это легко представить. Напишите на листке бумаги наши представления о мире 30-летней давности и сравните с реальностью наших дней. Что в списке останется неизменным?

В законопроекте о госкорпорации предполагается именно такое — стимулирующее активность и переход на новые технологии — упрощённое законодательство. Какие регионы выживут? Только те, которые будут быстро адаптироваться к новым условиям и использовать эту новую форму динамичного законодательства. Готовы ли мы к этому? Или мы готовы умереть ради написанных в другой эпохе норм и правил?

Если мы признаём: мир меняется так быстро, что прежний наш опыт надо забыть, — то нужно относиться ко всем проектам, непохожим на прошлые, по крайней мере более внимательно и позитивно. При этом проверяя каждый шаг и выстраивая балансы и противовесы, которые ограничивали бы и своеволие, и неточность принимаемых решений.

Пока мы только критикуем. От критики не рождаются продуктивные идеи. Мы что, импотенты? Страна критиков? Журналисты воспитаны в этом духе, читатели приучены к этому… Разве умный — тот, кто умеет критиковать? Или создавать?

— Создавать — хорошо. Но примеров мало.

— Появление необычного организационно-управленческого продукта — госкорпорации — это некий прорывной момент. Но чтобы он был использован успешно, требуется активность многих: и власти, и бизнеса, и экспертного сообщества, и населения Сибири.

Во всём мире отличают дальновидную «мудрую политику», которая приводит к хорошим результатам, от просто политики.

Мудрая политика не может появиться изолированно: она вырастает на почве мудрого общества.

Немудрое общество не может избрать мудрую власть. 32% избирателей, которые ходили избирать мэров больших городов, они кого выбирали? Добродушных дядюшек, которые говорили, что они за народ. Да, улицы они подметали и праздники проводили. А детские сады почему-то не строили и свои города к постиндустриальному будущему не готовили. И молодым предприимчивым людям нужной поддержки не оказывали!

Факт появления идеи госкорпорации — это исторически значимое событие. Она может создать у нас в Сибири новую культуру экономического развития эпохи глобальной турбулентности. Ведь турбулентность пока только нарастает…

Сибирь может стать большим полигоном пробы новых творческих сил нашей молодёжи, шансом самореализации. И ещё: появляется надежда, что и через сто лет восточная граница России будет по-прежнему проходить по Курильским островам, а не по Байкалу или по правому берегу Енисея.

СФ

МАЛЫЙ ЖАНР

Я и большущая страна

Производство лекарств

Я бы хотел работать в компании по созданию мед. препаратов. Я считаю, что в наше время это одно из самых важных дел, потому что сейчас много заболеваний, которые сложно вылечиваются, а людей, которые заболевают, — много.

Я часто задумываюсь о людях, которые устали от вечной борьбы за свою жизнь. Ведь они могут стать родителями и станут, наверное, если сделать лекарство для них. Я очень хочу помогать бедным, больным людям!

Ярослав САЕНКО, 6 Б

Я выбрала медицину, потому что сейчас появилось очень много болезней, излечимых и неизлечимых. Мне кажется, что именно я смогу помочь изобрести вакцины или лекарства от этих болезней.

Многие наживаются на других людях, продавая за большие деньги препараты, которые не дают эффекта. А я бы хотела изобрести препарат, который вылечит рак, и продавать его за небольшую цену. Даже если это дело не принесёт мне дохода, я всё же спасу людей или хотя бы попробую сделать это.

Валерия КРОТОВА, 6 В

Когда я вырасту, я стану биологом. Моя мечта — найти лекарство от смертельных болезней. Эта работа требует много сил и больших знаний. Я буду очень стараться. Я считаю, что нужно понизить цену на лекарства, тогда некоторые люди станут снова здоровыми.

Росина ДУБИННИКОВА, 6 В

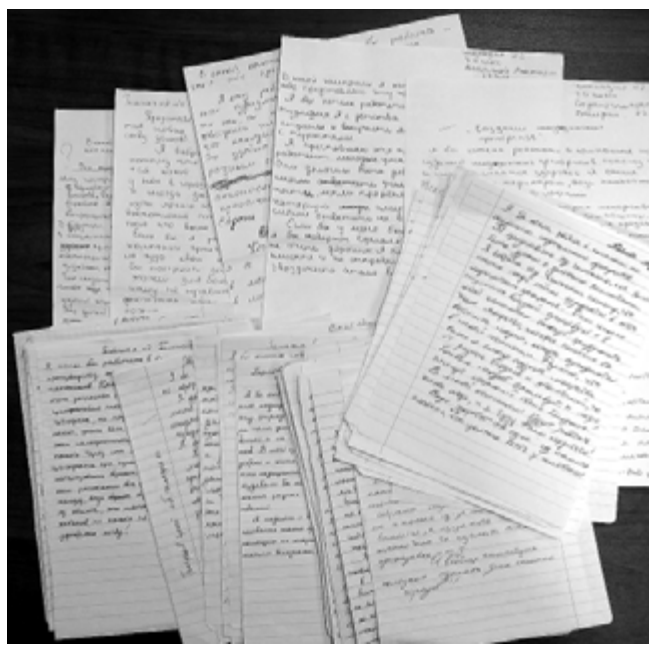
Я бы создала лекарство, которое вылечит инвалидов, чтобы те люди, которые уже не могут передвигаться, или что-то ещё не могут делать, могли опять жить, как обычные люди.

Кристина ДРУЖИНИНА, 6 В

Я бы хотела работать в компании по созданию медицинских препаратов. Может, я бы так и не считала, если бы эта проблема не коснулась моей семьи. Если бы существовали лекарства от неизлечимых болезней, моя семья была бы на два человека больше.

Конечно, помочь тем, кто уже ушёл из жизни, нельзя, но я хочу помочь выжить другим. Я не хочу, чтобы люди и животные умирали, ведь смерть — это конец жизни.

Мария ХОЛОДКОВА, 6 В



Экология

Я бы хотел работать в компании по производству экологически чистых материалов — изобретателем этих материалов. Сначала я бы придумал топливо из листьев, которое работает за счёт солнечной энергии, которую листья поглощают в ходе фотосинтеза. А также эти отходы биоорганические, поэтому они перерабатываются микроорганизмами.

Также я придумал бы семена деревьев быстрого развития, чтобы леса быстро восстанавливались после вырубки. Однако в этом есть и минус — у них срок жизни меньше, чем у обычных деревьев.

Ещё я бы попробовал вывести растение, которое содержит обеззараживающий сок — не хуже антисептиков.

Тимофей ТЕМЕРОВ, 6 Б

Я бы хотела стать работником компании по переработке леса. Потому что я люблю ходить в лес. Наблюдая за тем, как спокойно истребляют леса, я стала волноваться. Каждый день на планете вырубают около 1000000 деревьев. Не очень-то и мало!

Лес. А что это такое? — задают себе вопрос лесорубы. Они не понимают, что деревья очищают воздух. Вот, например, кипарис, — он настоящий санитар, а его заросли — настоящая кладовая солнца.

Я бы хотела, чтобы леса начали восстанавливать.

Алина КОВАЛЕВСКАЯ, 6 В

Я бы работала в компании по переработке леса (хотя не знаю, что они делают). Если бы я была директором, моя фирма выкупала бы леса и рассаживала всё новые и новые деревья.

В нашем городе было бы много заповедников, а штрафы за их порчу были бы огромными. Ведь людям нельзя убивать лес. Иначе на нашей земле останется очень мало кислорода.

Я считаю, что деревья очень главная часть нашей жизни! Всем надо встать на их защиту, ведь их не занесут в Красную книгу…

Арина ВОРОБЬЁВА, 6 В

(Продолжение следует)

«Toyota» и Авось

Опыт создания мировой компании на просторах России

Весеннее питерское утро. На часах 8:00. Мы выезжаем из гостиницы на завод «Тойота Мотор Мануфэкчуринг Россия», где на 9:00 у нас назначена встреча с генеральным менеджером отдела контроля качества Сэйити КАГАВОЙ. Это первый и пока единственный завод «Тоёты» в России. Он открыт в декабре 2007 года и выпускает полюбившуюся многим россиянам модель «Camry».

Менталитет

Всю ночь шёл снег, а под утро небо затянуло свинцовыми тучами, и начал накрапывать дождь. До завода, находящегося в промышленной зоне Шушары, примерно 10 минут езды. За это время таксист Сергей успевает высказать своё предубеждение к автомобилям, собранным в России. В качестве наглядного примера он приводит свою недавно купленную иномарку калужской сборки и описывает все обнаруженные в ней недостатки. Он на двести процентов убеждён, что русский человек никогда не соберет хороший автомобиль, потому что только наш рабочий знает, что «шуруп, забитый молотком, держится гораздо лучше, чем гвоздь, закрученный отвёрткой». Пасмурное утро и пессимистичный настрой таксиста наводят нас на крамольную мысль: «Неужели и питерская «Тоёта» стала жертвой менталитета русских рабочих?»

Проходная

На дверях проходной висит памятка — какую спецодежду необходимо носить в цехах завода. Для тех, кто не любит читать — а таких, как правило, большинство — вывешено несколько фотографий милой девушки, одетой для посещения пяти разных цехов (сварочного, покрасочного, сборочного и т.д.). Мы подаём паспорта для оформления пропусков. Начальник службы охраны интересуется, из какого города мы приехали, и предлагает нам… чай. Немного ошарашенные таким гостеприимством, мы поначалу вежливо отказываемся, но после недолгих уговоров говорим «да». Он приносит нам красивые одноразовые стаканчики, чай и сахар. Как говорится, театр начинается с вешалки, а завод — с проходной. Начало настраивает нас на оптимистичный лад.

Завод

Перед входом в административный корпус нас встречает г-н Кагава (*на фото в центре*). В комнате для совещаний ждёт Александр ЯБЛОКОВ — заместитель г-на Кагавы. Он подготовил для нас небольшую презентацию о заводе. Александр рассказывает об основных принципах философии «Тоёты»: уважении к людям и постоянном совершенствовании, а также об основных элементах производственной системы «Тоёты» и улучшениях, проведённых на заводе для обеспечения качества.

Три с половиной года назад Александр пришёл на завод «Тоёты» из компании «Wrigley» и сразу же был отправлен на двухнедельную стажировку в Японию на завод «Тоёта Мотомати». С г-ном Кагавой они общаются на английском, периодически вставляя русские и японские слова.

Кстати, мы обратили внимание, что все три языка в равной степени встречаются на заводе (таблички на дверях кабинетов, информационные стенды, информация на визитках сотрудников).

В настоящее время завод состоит из цехов сварки, покраски и сборки. Численность персонала — 1500 человек (из них 12 японцев, представляющих высшее руководство завода), количество ежедневно выпускаемых автомобилей — 90 штук, время такта — 4,9 минуты (через каждые 4,9 минуты с конвейера сходит один готовый автомобиль), режим работы — односменный (хотя подготовка к запуску второй смены идёт).

Производство

После почти получасовой презентации мы надеваем сигнальные жилеты, спецобувь и каски. Нас вежливо просят… не брать с собой фотоаппараты. И дело совсем не в том, что «Тоёта» хочет что-то скрыть от наших глаз, — просто вспышки фотокамер могут отвлечь рабочих и привести к травме или дефекту.

Перед входом в цех мы видим памятную табличку, сообщающую о том, что первый камень при строительстве завода заложил В.В. ПУТИН. На противоположной стене вывешен десяток больших фотографий, по которым можно проследить эволюцию модели «Camry» с 1982 по 2012 год. Мы посмотрели, как «Camry» превращалась из маленькой, ничем не примечательной машины в седан бизнес-класса, и с грустью отметили для себя, что для показа «эволюции» многих моделей российского автопрома, к сожалению, вполне достаточно одной фотографии…

Ёси-ёси

Нам ещё раз напоминают о необходимости соблюдения правил техники безопасности и перехода перекрёстков пешеходных дорожек и путей движения тягачей и тележек. На заводе правило перехода называют по-японски «ёси-ёси», что означает «ОК-ОК».

Выглядит это так: при переходе проезжей части работник завода должен показать пальцем и посмотреть вправо, затем показать пальцем и посмотреть влево. Убедившись, что ни справа, ни слева нет приближающегося транспорта, можно переходить. Этим сигналом переходящий также показывает водителю тягача, что видит его и готов пропустить транспорт. Этот метод, как мы поняли, призван привлечь мышечную память на помощь зрительной и свести к нулю вероятность несчастного случая.

Разметка

Наша экскурсия начинается со сборочного цеха. Сразу в глаза бросается сигнальная разметка: все выступы, перепады высот и другие места, где человек может оступиться, споткнуться, удариться головой, оклеены жёлто-чёрной сигнальной лентой; пешеходные дорожки очерчены жёлтыми линиями; зоны, в которые доступ запрещён, обозначены красным. Дорожные знаки снабжены соответствующими надписями. В местах пересечений транспортных потоков установлены выпуклые зеркала, чтобы, подъезжая к ним, водители видели ситуацию справа и слева. Все рабочие работают в добротной спецодежде и спецобуви. С первого взгляда понятно, что слова на плакате «Безопасность — прежде всего» не расходятся с делом.

Стандарты

Слева от нас линия сборки кузовов, справа — линия подсборки передних дверей. В каждой зоне сборщики выполняют операции, прописанные в специальных стандартах. Стандарты изложены простым языком и наглядны: помимо текста в них есть схемы и поясняющие фотографии. Каждый рабочий проходит обучение в течение 6 недель: примерно 2 недели уходит на изучение стандартов, 2 недели новичок тренируется в учебной зоне и сдаёт экзамен, и ещё 2 недели — это практика на производственной линии под руководством наставника.

По словам Виталия ЛУИЗОВА, заместителя г-на Кагавы, стандарты для рабочих («Job Element Sheets») составляют бригадиры и мастера участков на основе технической документации, поступающей из Японии.

Бригадиры

При появлении брака бригадир вместе с рабочими выявляет его причины и, если они связаны с несовершенством стандарта, вносит необходимые изменения. На каждого бригадира приходится примерно по 5-6 рабочих. Бригадир всегда находится на участке. Если у рабочего возникает какая-либо проблема, он тут же тянет за специальный шнур, проходящий вдоль всех сборочных линий, и над его рабочим местом зажигается сигнальный огонь («андон») и играет специальная мелодия (у каждой станции своя). Получив сигнал, бригадир направляется туда. Если он не успевает устранить проблему в течение времени такта, то линия останавливается вплоть до устранения проблемы. При необходимости автомобиль отправляется в ремонтную зону. Главное — не передавать автомобиль с дефектом на следующий процесс.

На одной из рабочих станций (так называют рабочую зону на сборочном конвейере, к которой прикреплён один или несколько рабочих) нам довелось увидеть, как загорелся андон, и к станции тут же подошёл бригадир. В начале сборочной линии установлен экран, на котором можно увидеть, сколько раз загорался андон на участках каждого бригадира. В день нашей экскурсии за первые три часа работы андон загорался на одних участках 5-7 раз, на других 25-30.

Мастера

Возле одной из рабочих станций мы видим небольшой отгороженный участок, где за столом сидят несколько человек с синими полосками на кепках — это мастера. Сейчас они готовят переход конвейера на новое время такта. Их задача — «вписать» каждую рабочую станцию в новый такт-тайм и подготовить рабочих.

Мастера «Тоёты» — это настоящие лидеры, которые заняты постоянным обучением своих

рабочих. Они прикладывают все усилия для того, чтобы рабочие умели самостоятельно решать возникающие проблемы и могли гордиться тем, что вносят свой маленький вклад в большое общее дело. Даже в тех случаях, когда мастер знает о причинах какой-либо проблемы и может дать указание рабочим, как её устранить, он не сделает этого, предпочитая мотивировать рабочих самостоятельно искать причину и предлагать способы её устранения. Как говорится, найти решение — несложно, гораздо сложнее научить этому своих подчинённых.

От мастеров и бригадиров требуется знание английского языка, а в перспективе — и японского. Это диктуется необходимостью чтения поступающей из зарубежных филиалов технической документации без помощи переводчика.

Информационные стенды

Вдоль каждой линии через 5-10 метров расставлены информационные доски (на колесиках), где размещена ежедневно обновляемая информация. Вот что мы на них увидели:

>> планировки участков с фотографиями рабочих, которые закреплены за ними в течение смены;

>> контрольные листки и журналы, по которым в начале каждой смены рабочие проверяют состояние рабочих мест и ставят свои подписи;

>> графики, демонстрирующие ежедневную динамику производственных показателей по участкам;

>> большой крест безопасности, расчерченный на 31 день — если день прошёл без травм, то соответствующая клетка закрашивается зелёным, если с травмами — жёлтым или красным.

Ремонтная зона

Ремонтная зона — это участок, на котором устраняются небольшие дефекты, выявленные в процессе работы. Во время нашей экскурсии в ней находилось три «Camry».

Как нам пояснили, в результате усовершенствований и сокращения дефектов ремонтная зона постоянно уменьшается, и недалёк тот день, когда необходимость в ней полностью отпадёт и на её месте будет размещен новый производственный участок или зона отдыха для рабочих.

Линия контроля качества

Она чем-то напоминает полосу препятствий. Как пояснил начальник участка Андрей ПОНОМАРЁВ, чтобы её преодолеть, каждый автомобиль проходит множество различных тестов, проверок и испытаний. Компьютерному тестированию подвергаются все системы «Camry». После успешной проверки на экране специального монитора последовательно загораются зелёные квадраты с надписью «ОК».

Испытания включают в себя проверку на протечки в салон автомобиля, проверку ходовой части на испытательном полигоне и в камере, где автомобиль разгоняется на месте до скорости 120 км/час. Контролёры проверяют автомобиль на отсутствие внешних дефектов (царапин, вмятин и т.п.).

Иногда мастер линии контроля качества наносит смываемым маркером небольшие чёрточки на кузов автомобиля, чтобы проверить, насколько внимательны контролёры в течение рабочей смены (так называемый «dummy test»).

Навстречу локализации

По правилам, установленным для иностранных автозаводов на территории России, большинство комплектующих должно изготавливаться здесь же, а не ввозиться из-за рубежа. Это называется «локализацией производства». Возле одной из рабочих станций мы увидели яркий пример локализации в действии. Рядом с конвейером стояла тележка, на которую рабочие ставили бракованные комплектующие одного из российских поставщиков. По выражениям лиц было понятно, что чувство гордости за российских поставщиков они не испытывают… Но и оптимизма, тем не менее, не теряют и всеми силами стремятся улучшить качество продукции, получаемой от местных поставщиков, делясь с ними своими наработками и опытом в области обеспечения качества.

Кайдзэн

Кайдзэн — это небольшие улучшения, которые предлагают и реализуют сами рабочие. Широко известно, что рабочие заводов «Тоёты» — лидеры по количеству рационализаторских предложений, и российская «Тоёта» не стала исключением.

Сотрудники отдела контроля качества обратили наше внимание на российские кайдзэны. Среди них были и специальные зажимы, вырезанные из полипропилена, которые фиксируют провода и не дают им повреждаться при транспортировке; и зеркала, установленные на линии контроля качества, позволяющие контролировать работу омывателя передних фар; и целая система кайдзэнов на одной из рабочих станций, которые привели к сокращению ремонтных работ на 400 минут в смену и к уменьшению площади ремонтной зоны почти в 3 раза.

И таких примеров уже не десятки, а сотни.

Учебная зона сборочной линии

Учебная зона расположена прямо в цехе за специальной перегородкой. В ней находятся различные тренажёры, на которых будущие рабочие овладевают необходимыми фундаментальными навыками: закручивания болтов в различных положениях, установки клипс, зажимов, соединителей, намотки проводов и т.д.

По отработке каждого навыка будущий рабочий сдаёт экзамен. Он должен выполнить задания на каждом из тренажёров, уложившись в установленное время. Тренажёры — не компьютерные, а самые что ни на есть настоящие.

Учебная зона инспекционной линии

Одно из самых интересных мест на производстве, где контролёров учат находить брак.

На входе в учебную зону установлен стенд с беспорядочно расположенными числами от 1 до 40. Каждый контролёр до начала работы должен пройти в присутствии бригадира минитест на внимательность — найти все числа от 1 до 40. То же самое он делает несколько раз в течение смены. Это даёт возможность бригадиру удостовериться, что контролёр не потерял бдительность, например, после плотного обеда в столовой.

Рядом с «цифровым стендом» находится стенд для определения химических жидкостей по запаху. 12 одинаковых бутылочек, но с разным наполнением служат прекрасным тренажёром для определения того, какое вещество было пролито на сборочной линии, и принятия правильных мер по его утилизации, а также для определения места в случае протечки вещества из автомобиля.

Стенды для определения зазоров между смежными поверхностями, например, между крылом и дверью. На этом стенде бригадир может «выставить» любой зазор при помощи электронного микрометра, а ученик должен определить, находится ли этот зазор в рамках допустимых значений. Нужно заметить, что выставляемые зазоры составляют десятые доли миллиметра, и контролёр, проводя рукой по смежным поверхностям, должен уметь их обнаруживать на ощупь.

Столовая

На заводе две столовые, питание практически бесплатное: работник оплачивает лишь 13% стоимости обеда (налог). Работает несколько раздач, поэтому очереди движутся довольно быстро. Ежедневно на выбор предлагается 2-3 варианта супа, 3-4 вида второго и несколько видов напитков. На десерт — аппетитные горячие булочки. По пятницам бывают и японские блюда. Столовая находится под управлением финской компании. Чистота и порядок идеальные.

По всей столовой висят большие плазменные экраны, на которые выводятся поздравления с днями рождения работников, информация об изменениях в корпоративных правилах и процедурах, информация от отдела кадров и т.п. Таким образом, за 15-20 минут пребывания в столовой рабочие узнают все последние новости.

Завод с улыбкой

Несколько раз на заводе нам встретились большие плакаты с надписью: «Тойота Мотор Мануфэкчуринг Россия» — завод с улыбкой». Видимо, японские руководители обратили внимание на характерную для россиян неулыбчивость и пытаются изменить ситуацию к лучшему.

Ведь даже самые великие дела должны совершаться с улыбкой, и к таковым, несомненно, относится цель питерского завода — стать лучшим среди заводов Toyota.

Александр ДРОЗДОВ,
преподаватель Института управления бизнес-процессами и экономики

Марина ЛОМАЕВА,
руководитель Японского культурного центра СФУ

Ориентализмы

Рубрику ведёт доктор филологических наук Т.В. ШМЕЛЁВА, профессор Новгородского университета им. Ярослава Мудрого

Как бы политика ни ориентировалась относительно Востока, русский язык такой ориентации придерживается давно. Как считают специалисты — со времён Киевской Руси, когда восточные соседи славян доставляли им массу сложностей, но без взаимодействий с ними, получавших отражение в языке, не обходилось.

Заимствования из восточных языков, которые обозначают общим термином **ориентализмы,** знает уже древнерусский язык: *болван, жемчуг, ковыль, сабля, сапог*… В Энциклопедии «Слова о полку Игореве» восточной лексике посвящается особая статья, в ней, в частности, перечисляются восточные герои «Слова»: *ольберы, ревуги, могуты, топчаки, толковин*…

Если говорить о заимствованиях из тех восточных языков, с которыми у русских были реальные контакты, то выяснится, что у нас самые серьёзные запасы **тюркизмов**. Среди них различают такие, восточность которых очевидна (*башлык, шашлык, ярлык* — заметили тюркский элемент *–лык?*), и те, что кажутся нам абсолютно своими (их называют этимологическими ориентализмами). Кто согласится с чуждостью слова *деньги?* Ну, разве что тот, кто бывал в Киргизии и, скажем, слышал, как там говорят *тенге* — узнаваемо и в то же время не по-нашему. Трудно сходу поверить в восточное происхождение слов *товар, сундук, утюг, барабан, колбаса*… А тем не менее это всё тюркизмы — слова из тюркских языков, к которым относятся и турецкий, и татарский, и киргизский с казахским, и чувашский… Специалисты считают, что в русском лексиконе более тысячи тюркизмов. Это действительно серьёзный запас.

Можно сказать, что у нас есть дважды восточные слова. Например: *чай* (родное слово!) мы получили из китайского — через турецкий; опять же через турецкий, но из персидского — *кафтан* и *нефть*… Интересно, что, заимствуя, словом распоряжались иногда неожиданно: в тюркских языках *сарай* означает дворец (в Алма-Ате и сейчас — *Сарай молодёжи*), у нас же слово приспособлено к обозначению не столь важных и роскошных сооружений. Значит, у ориентализмов в нашем языке складывается особая — русская — судьба.

В истории России граница отодвигалась всё дальше на восток, а в русском языке появлялись всё новые ориентализмы. Правда, в отличие от тюркизмов, которые обзавелись не только русскими окончаниями, но и русской роднёй (посчитайте, сколько родственных слов у *чая*), японизмы и китаизмы стоят в стороне от русской грамматики, их мы, как правило, не решаемся склонять (если только *сакуру*). Неизменяемые, но хорошо знакомые *татами, дзюдо* понятны нам без перевода. Трагический смысл *цунами* тоже никому не надо разъяснять.

Здесь важно отметить, что эти слова мы используем не только для обозначения тех далёких реалий — у них появились переносные, обобщающие смыслы. Так, цунами можно встретить в текстах не только о природных катастрофах, но и о переживаниях героев, как в романе Т. УСТИНОВОЙ: «*Паника началась в животе, поднялась, как цунами, залила сердце, горло, голову. Стало невозможно дышать*». «Я не камикадзе» — можно услышать и от девы юной; хотя вряд ли она знает, что буквальное значение этого слова «божественный ветер»…

Знаком освоенности ориентализма служит то, что он присутствует не только в русских текстах, но и выходит в городскую среду, например, становясь названием заведения. Самым известным тут, наверное, стали *суши*, которые входят в названия сотен баров и ресторанов. Интересно, что это слово легко сочетается с невосточными словами в названиях типа *Территория суши*. Но самыми замечательными из таких вывесок мне показались *Точка суши* во Владивостоке и *Суши вёсла* в Москве: они как бы говорят нам: так ли уж экзотично это слово? Да оно совсем своё!

Ресторанные вывески поначалу повторяли географию (*Токио, Осака*…), а потом научили нас японским словам типа *васаби*. В разных городах есть вывески со словом *банзай*: рестораны, магазины (где — запчастей для иномарок, где — мобильных телефонов). Кстати, это, как нам кажется, словечко — часть формулы приветствия, обращённого к японскому императору, буквально значит «десять тысяч», потому что всё это приветствие означало «Живите десять тысяч лет!».

Таких фактов можно привести множество, и они убеждают в том, что слово не обязательно из словаря попадает на вывеску, часто наоборот — с вывески в словарь (кстати, слова *васаби* ещё нет в словаре иноязычной лексики Л.П. КРЫСИНА).

Конечно, совсем не обязательно японскому ресторану называться японским словом. В Петербурге есть скромное *Две палочки*, и это сочетание можно считать не лексическим, но смысловым ориентализмом. Но всё-таки городские заведения и их вывески стали для нас учебником восточных языков.

Кроме лексических и смысловых ориентализмов, всё чаще глаз отмечает графические — то стилизация под иероглифы, а то и сами иероглифы появляются на вывесках и этикетках товаров. Вот вполне отечественного изготовления чай называют *Иероглиф* и соответствующим образом оформляют его упаковку. Кажется, ещё чуть-чуть, — и мы начнём прочитывать иероглифы.

Стилизованные под арабскую вязь названия ресторанов *Павлин-мавлин* в Красноярске или *Шашлык-машлык* в Москве несут в себе идею восточности как таковой — гастрономический мир Востока.

Итак, мы могли убедиться, что в лексиконе современного интеллигента, даже если он никогда не помышлял об изучении восточных языков, есть масса слов восточного происхождения и восточного колорита. Наверное, этот восточный запас будет расти, тем более что он часто оказывается общим с европейскими языками; это словесные сигналы нашего сближения.

МАЛЫЙ ЖАНР

Я и большущая страна

Разработка недр

Я бы хотела работать в компании по добыче золота. Я была бы там президентом! Золото мы искали бы в горах, в лесах. У нас было бы что-то типа команды. Часть того, что мы находили, отдавали бы в фирмы, с которыми сотрудничаем (фирмы, которые делают украшения), а взамен получали бы деньги.

Екатерина ЛИСИЦЫНА, 6 В

Каждый человек понимает, что нефть — это всё для России. Во многих странах нефти мало, а Россия частично продаёт свою нефть, чтобы заработать.

Почему я хочу пойти в компанию по добыче нефти? Во-первых, это хорошо для страны и промышленности. Во-вторых, это прибыльно, нефтяники — люди богатые.

Я думаю, что весь мир нуждается в нефти. Ну… Путин точно продаёт нашу нефть и зарабатывает деньги для нашей страны. Кстати, если я буду работать с нефтью, то бензин будет дешевле, а нефти — больше.

София ДОБРИВСКАЯ, 6 В

Я хотел бы работать директором компании по добыче нефти. Я назвал бы свою компанию ОАО «Нефтепровод». Мы бы начинали работу в три утра по московскому времени, в полдень подавали бы пирожки, картошку и горячие пончики. Вот так бы проходил день, а в конце дня выдавали бы деньги за работу.

Андрей ШЕВЕЛЁВ, 6 В

Освоение Арктики

Я бы хотела работать в компании по освоению Арктики. Это очень увлекательно. С моей командой мы бы открыли новые растения, новых животных, а может, могли бы помочь какому-нибудь виду животных. Мы бы могли узнать о новых народах, их искусстве и ремесле. Может, нашли бы редкое растение, отдали его на экспертизу — и оно могло бы стать лекарством от какой-нибудь болезни.

Конечно, чтобы так получилось, нужно много учиться. Ведь невозможно ничего не делать, а потом получить удачу, славу и благодарность людей!

Мария ТУРЫШЕВА, 6 В

Наверное, все знают, что на глубине арктического шлейфа находятся почти бескрайние запасы нефти. Если Россия пробьётся к этим запасам, то все мы встанем на новый рубеж экономики, мы будем самой влиятельной страной мира. Наши города станут лучше и богаче, чем в Америке.

Но чтобы достичь этого, надо хорошо поработать, развивать нанотехнологии, посылать в Арктику много людей. Надо расположить там Большой научный центр, проводить больше научных исследований, перенести российскую границу…

Алексей ЛИНДУН, 7 Б

Городское строительство

Я бы хотела работать в компании по строительству домов. В Красноярске мало домов, которые продаются для людей. Некоторые не могут найти себе хорошую квартиру и живут у родителей, родственников.

Я бы всё переделала. Старые дома снесла, а построила новые, уютные. В этой компании я работала бы чертёжником, потому что фантазий у меня очень много.

Ангелина ИВАННИКОВА, 6 В

Серые городские многоэтажки, закатанные в асфальт улицы… Совершенно не осталось деревьев, а те чуть зеленоватые клочки, облезлые кустики, выложенные в шахматном порядке, и парком назвать странно.

Если мне удастся открыть компанию по строительству домов, больше не будут строиться однотипные многоэтажки. Я постараюсь создать микрорайоны с интересным дизайном, развитой инфраструктурой, по доступной цене. Так сказать, совершить невозможное…

Лично я считаю, что неправильно строить дома впритык друг к другу. Детям, молодым родителям, пенсионерам гулять совершенно негде. А гулять по улицам пыльного города нравится далеко не всем. В каждом районе нужно сделать парки. Не просто узенькие дорожки с высаженными деревьями, а зонированный парк. Зоны должны разделяться по возрасту. К примеру, зона для детей от 4 до 12 лет может включать в себя игровые замки, прокат велосипедов, роликов, кафе-мороженое. Зона для подростков — кофейни, места для пикников и т.д. Так же необходимо сделать подобное, но в меньшем масштабе, возле домов, в шаговой доступности. Предусмотреть площадки, где «уличные художники» смогут создавать свои шедевры.

Задача современного «дома» — предоставить условие для развития нового поколения. Дом — не просто место, где ты живёшь, ешь, спишь. Дом — это где тебе нравится находиться, где есть друзья. Так почему бы не сделать домом Сибирь, а затем Россию?

Настя МИРОНЕНКО, 7 Б

Благодарим за помощь педагогов гимназии № 2 г. Красноярска Г.П. МАРЬЯСОВУ и О.А. ШЕВЧУК

Пожалуй, из всех предложенных вариантов я бы выбрала компанию по развитию туризма. Безусловно, все предложенные варианты важны по-своему, но я вижу себя в роли менеджера по туризму. Во-первых, как мне кажется это очень интересная профессия, очень креативная и творческая, во-вторых развитый туризм привёл бы по-больше туристов в наш Красноярск, что очень хорошо для нашего города.

Можно было бы организовать тур по достопримечательностям Красноярска, устроить викторины среди школьников, заодно узнать как дети знают наши достопримечательности.

Можно также организовать сплав по Енисею, разные походы по музеям, домам, где жили известные люди, памятникам.

В компании должно быть обязательно чувство единства, люди должны поддерживать друг-друга быть дружелюбными.

Но всё это только мои предположения о предложенной теме и они могут быть далеко от реальности.

Анастасия КРЖЕНИЦКАЯ, 6 Б

Фото Нины ЛИТВИНОВОЙ

В поисках древнего сибиряка

Археология входит в число профессий, романтика которых общепризнанна и не нуждается в особенных пояснениях. Воспетые массовой культурой образы отважных расхитителей артефактов из фильмов про Индиану Джонса и Лару Крофт отлично дополняются традиционным восприятием археологии как науки, связанной с реальными тайнами и загадками человеческой истории. Будучи умноженной на потрясающие природные пейзажи, она предстаёт перед глазами обывателя как опасное и однозначно завораживающее ремесло-приключение.

***

В разговорах о том, что, дескать, настоящая археология — занятие скучное, тяжёлое и в некотором смысле даже тривиальное, присутствует некоторое лукавство. Лукавят, как правило, сами археологи, которые восторгами или экстатическими переживаниями делятся скупо, предпочитая ограничиваться статистикой — обнаружили столько-то стоянок, раскопали столько-то предметов, провели датировку и углеродный анализ, опубликовали статью в научном журнале по возвращении. Никто не заболел, никто не умер.

Эти немногословные люди о своих трофеях в широком кругу рассказывают без особого энтузиазма, посмеиваясь в кудлатые бороды над фантазиями о грудах золота, зарытых под старинным курганом. Ты задаёшь вопросы про таинственные находки, про трудности и лишения походов, а тебе в ответ рассказывают про кисточку и совочек, которыми нужно будет снимать песок слой за слоем, про топографическую съёмку и рисунки на миллиметровке…

— Все археологические проекты можно условно разделить на две большие группы, — терпеливо объясняет мне Павел Владимирович МАНДРЫКА, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией археологии, этнографии и истории Сибири СФУ. — Это спасательно-охранные работы, связанные с какой-то современной деятельностью людей (например, строительство ГЭС, нефтепроводов или железных дорог) или природными процессами — скажем, когда река подмывает древний курган. А вторая составляющая — это изучение какой-то неизвестной странички из условной летописи древнейшей человеческой истории того или иного региона. Проекты первой категории поддерживаются не государством, а заказчиками строительства. Второй — за счёт больших грантов Академии наук, правительственных или международных фондов. И каждый проект может быть интересен по-своему.

Пока ни слова о приключениях, но меня не проведёшь: в 2006 году я в качестве волонтёра принимал участие в раскопках, организованных Институтом археологии и этнографии СО РАН в Чуйской степи (это на границе с Северной Монголией). В экспедицию к тюркским курганам мы, волонтёры, отправлялись с изрядно потускневшей медью романтических иллюзий — маститые археологи, руководившие походом, приложили все усилия к тому, чтобы дать понять: работа нас ждёт нудная и малоинтересная. И надо же было такому случиться, чтобы во время первого завтрака в горной долине один из членов экспедиции, копнув землю носком ботинка, обнаружил наконечник каменной стрелы! Вечером же местные жители вместе с молоком привезли историю о том, как прошлым летом геодезисты, вкапывая очередной столб, нашли мешок с золотыми червонцами, закопанный какой-то разбойничьей шайкой в годы гражданской войны. После этого всех новичков обуял такой азарт, что его хватило на несколько недель кропотливого сдувания песка с булыжников древних ритуальных сооружений тюрков.

— Без энтузиазма действительно никуда, но археологи же не игроки, — снисходительно комментирует эту историю Мандрыка. — Мы занимаемся очень тяжёлой наукой. Поиски, раскопки, экспедиции — не только лишения или перекидывание земли и переборка её пинцетом. Это очень большой клубок разнополярных научных направлений, начиная от химии и физики, геологии и заканчивая историей. Поэтому азарт тут мало кто испытывает. Старшее поколение археологов не стремится к получению каких-то материальных благ. Конечно, экспедиции, находки, какие-то яркие открытия, которые есть, они подпитывают человека, но в первую очередь с позиции духовных ценностей. Невозможно заниматься археологией, если ты не фанат, — неожиданно добавляет он.

Я интересуюсь, как подбирается состав экспедиции. «Главное правило — чтобы человек был адекватен и сознательно шёл на те тяжести, которые сопряжены с участием в экспедиции, — отвечает Павел Мандрыка. — Экспедиция не похожа на театральную труппу, которой управляет один человек и говорит, что нужно сделать. Это коллектив единомышленников, которые увлечены романтикой научного поиска. В идеале он должен включать специалистов смежных профилей. Что же до рабочей силы, то недостатка в желающих обычно нет. Если потребуется, мы можем привлекать не только студентов нашего института или даже города, но и из других регионов. Это несложно».

Несложно ещё и потому, что появляется дополнительный источник мотивации — деньги. В этом признаётся мне давний приятель, бывший студент истфака, который три года подряд ездил на Ангару. Там, на территории в тысячи квадратных километров, которая уйдёт под воду после ввода в строй Богучанской ГЭС, в земле покоятся сотни нераскопанных и неизученных археологических объектов времён каменного века «Русский алюминий» выплачивал студентам около 30 тысяч в месяц — сумма внушительная.

Романтика — она следует потом, потому что природа в тех краях замечательная, но суровая: тайга, тучи кровожадной мошки, холодная погода. «Когда мы уезжали оттуда в октябре, уже шёл снег», — делится приятель и признаётся, что природа — это, наверное, второй по силе катализатор желания поучаствовать в археологической экспедиции для всех добровольцев. Раскопки обычно проходят в местах невероятно живописных, подчас даже — девственных и глухих. «Понимаешь, нас завезли туда, а как будут вывозить, не сообщили, ходили слухи даже, что будут эвакуировать вертолётами МЧС», — смеётся он и начинает увлечённо рассказывать про красоты местной природы и делиться экзотическими байками о полянах, заваленных костями животных, идолах и прочих чудесах.

П.В. Мандрыка раскопки на Ангаре также называет в числе самых необходимых и неординарных экспедиций, в которых сотрудники его лаборатории принимали участие: «Мы раскопали фактически весь средневековый некрополь, где успели изучить более 90 погребений. На сегодняшний день это, наверное, самый большой в Сибири из изученных археологами некрополей, площадью около 7 тысяч квадратных метров. Многие находки хранятся в нашей лаборатории, причём найти — это только полдела, нужно ещё сохранить вещи и предметы, законсервировать процесс разрушения металла и кости, кожи и ткани. А сколько этого богатства ещё уйдёт под воду! Жалко, что возможность изучать всё это представилась только перед затоплением… Но в нашей стране всегда так, мы ещё сильно отстаём от международного уровня сохранения наследия».

***

Нам с вами повезло жить в регионе, который не просто замечателен сам по себе, но и невероятно интересен в культурном отношении. Речь не только о нашем крае, но и о ближайших соседях — Хакасия и Тыва, судя по сообщениям прессы, являются меккой для всех любителей древностей. И правда, кто из нас не слышал про крепость Пор-Бажын или Долину царей, про мумию алтайской принцессы, про загадочные курганы скифов, которые в южных степях якобы на каждом шагу? Павел Владимирович досадливо морщится:

— Считается, что юг края — это какой-то рай для археолога. Мол, если он больше всего изучается (точнее, про это больше всего рассказывают СМИ), значит, он больше всего интересен. Но это далеко не так. Настоящий Клондайк сибирской археологии находится на севере: там, где меньше ступала нога человека или, тем паче, ковш строительного экскаватора. Да, южные культуры интересны тем, что их памятники в большей степени видны невооружённым глазом, читаются визуально — это курганы, городища, каменные стелы и др. А в таёжной зоне археологических памятников не видно, даже искать их часто приходится с помощью опроса коренного населения, которое может подсказать места находок каких-нибудь вещей. Таймыр, например, в раннем голоцене был покрыт лесами и там было тепло. Там жили люди, и «следы» их пребывания вкованы в вечную мерзлоту.

→ Голова медведя — скульптурное навершие каменного песта из слоя бронзового века стоянки Проспихинская Шивера на Ангаре

→ Бронзовый распределитель со спиралевидным орнаментом из средневекового погребения на Ангаре

↑ П.В. Мандрыка расчищает железный нож из древней могилы

Разумеется, я тут же задаю вопрос обывателя — а что там можно такого найти? Вот, например, в начале 2000-х в курганах Долины царей обнаружили более пяти тысяч золотых изделий времён скифской эпохи, многие учёные мира сравнивали по значимости это открытие с обнаружением гробницы египетского фараона Тутанхамона. Глубоко вздохнув, Мандрыка начинает мне объяснять, что найти можно много чего, ведь север был обитаем с эпохи мезолита, то есть восемь тысяч лет назад вся территория края уже была заселена:

— Да, там была меньше плотность населения, не сложилось каких-то знаменитых цивилизаций. Но ценность находок заключается ведь не в драгоценных металлах, как сейчас все это воспринимают. Например, великолепные произведения искусства, выполненные в камне и в железе, украшения из цветного металла, которые мы находим на берегах Ангары, Подкаменной Тунгуски, Нижней Тунгуски. Обнаруженные предметы не имеют аналогов в мире.

Дома я набираю в Яндексе «Сибирь, археологические раскопки» и прихожу в благоговейный ужас от количества сообщений о находках, которые в обычных условиях почти никогда не пробиваются сквозь информационный шум. Весь север нашего края — как лист, испещрённый следами человека родом из глубокой древности, многие из этих следов — с приставкой «уникальный». Так, пишут, что на территории Красноярска обнаружена стоянка верхнепалеолитической эпохи, что, похоже, означает, что на территории города человек жил одновременно с мамонтами —12-20 тысяч лет назад. Пишут ещё, что на Нижней Тунгуске найдены стоянки эпохи неолита, а на границе с Иркутской областью — следы города бронзового века с населением в 600 человек (что больше современных деревень)… А сколько ещё не найдено?

— Много есть интересных мест, и мы знаем, где эти точки находятся на карте, и пытаемся просить какую-то поддержку через грантовые формы, но… — качает головой Павел Владимирович. — Смотрите: у нас в стране создают целые предприятия по поиску месторождений нефти, золота и тому подобного. Нашли прииск на сто килограммов золота и начинают разработку, вкладывают туда сумасшедшие деньги, чтобы получить эти сто килограммов. А археологи в несколько раз меньше попросили денег, чтобы провести где-нибудь раскопки. Пусть не нашли они там этих золотых вещей, пусть нашли изделия, скажем, из бронзы, произведения искусства, древнейшие орудия труда. И как можно оценить, что важнее?

Я считаю, что стоимость некоторых наших находок выше с точки зрения значимости для человечества, чем груды жёлтой руды.

Археологи — это люди, которые занимаются спасением культурного наследия из недр земли, сохранением национального богатства. Поэтому наука археология должна быть важной статьёй расходов в экономическом планировании страны.

Впрочем, не все любители древностей столь сознательны, чтобы воспринимать артефакты прошлых эпох как собственность нации. Тому, что археологов раздражает шум, который поднимается вокруг отдельных находок, есть рациональное объяснение.

— Все хотят популизма, мы прекрасно это понимаем. Но здесь нужно отделить истинное от наносного. Археология не нуждается в большом потоке добровольцев. Все хотят каких-то сенсаций, а они достигаются только путём долгого кропотливого труда. А шумиха не нужна, и я объясню, почему. У нас недостаточно разработана правовая база по отношению к тем слоям населения, которых называют «чёрными» археологами (и здесь я сразу вспоминаю историю о майоре милиции, который с металлоискателем собирал старинные монеты под Енисейском). Какие-то места, которые содержат интересные и ценные вещи с точки зрения науки, привлекательны для таких вандалов. Чем меньше шумихи, тем сохраннее будет.

У нас были такие примеры, когда после открытия ценных объектов приезжаешь на следующий год, а там всё точечно изрыто с помощью современных металлоискателей. Если бы у нас были более жёсткие законы в этом отношении и какая-то элементарная культурная грамотность у людей — даже лучше сказать, адекватная оценка своей истории, то, конечно, такого бы не было.

Я спрашиваю у Павла Владимировича, какой из нынешних проектов лаборатории он считает наиболее значимым и важным для реализации. Отвечает, не задумываясь: проект по определению границ памятников, находящихся в черте Красноярска:

— Вы же видите, как сейчас проходит застройка города? Бесконтрольно, без всяких согласований, высотными домами. На территории нашего города имеется множество ценных для науки объектов.

Из архивных сведений известно, что только на правобережье Енисея от Базаихи до Злобино в начале XX века находилось сорок восемь курганов! Научно изучен же был только один, и ещё из одного в 80-е годы комсомольцы подарили материалы музею. А всё остальное находится под дорогами, под домами, во дворах.

Красноярск в археологическом отношении — место очень любопытное. На территории нашего города находится около сорока стоянок эпохи палеолита, самая известная из них — на Афонтовой горе. Есть и более поздние стоянки времён неолита и железного века. В краеведческом музее хранятся предметы из кургана древней культуры, разрушенного при строительстве кольца на Предмостной, а, например, под зданием краевой филармонии при реконструкции обнаружили некрополь XVII века. Ещё одно старое городское кладбище находится под ТЦ «Квант»…

Короче говоря, сложно вообще представить себе место в черте города, под которым бы не размещался какой-то археологический объект. Утеряна ли большая их часть для нас безвозвратно в ходе точечных застроек и бездумного уплотнения жилищных массивов? Сейчас опасения учёных вызывает проект четвёртого моста через Енисей — строительство затронет уже упомянутую Афонтову гору, и из зоны проведения работ спешно «эвакуируют» все ценные находки.

А можно археологию поставить на коммерческую ногу? Чтобы она приносила доход и не оказывалась в полной зависимости от бизнеса или благорасположенности государства? — адресую я напоследок вопрос Мандрыке.

— Археология и коммерция? Самый простой ход — туристический: раскопал, изучил, сохранил, создал экспозицию, открыл для посещений. Вот только такие объекты будут интересны туристам, если будут визуально мегалитического плана — что-то, по чему можно походить, пощупать, полазить. Раскопанный курган — это точечный объект, он не годится на роль места паломничества. Гораздо выгоднее, если у какого-то комплекса разноплановых памятников будут создаваться археологические музеи.

В нашей стране подобные музеи под открытым небом формируются с конца XIX века, но в Сибири такие проекты почему-то не имеют поддержки — ни государства, ни каких-то коммерческих структур. Вот такой ход оказался бы интересным для туристов.

И, может быть, помог бы всем жителям нашего региона иначе смотреть на культурные ценности.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Сибирские эмираты

Арабским шейхам прекрасно известно: чтобы вписаться в мировую историю, надо тратить деньги на роскошь — в первую очередь, на искусство, которое материальной прибыли не принесёт, но зато оно одно способно сопроводить человека в куда более загадочный и ценный мир вечного.

И вот сегодня как раз разговор пойдёт о том, что же делать с культурной ситуацией в Красноярске, если — в связи с созданием специальной госкорпорации, о да! — в Сибири появится достаточно финансов для культурного благополучия.

Продолжая про арабских шейхов, хотелось бы напомнить о том, как Арабские Эмираты стали заметны на карте мира — строительством гигантских небоскрёбов и решением открыть филиал Музея Гуггенхайма в Абу-Даби. Знаменитый нью-йоркский музей Гуггенхайма имеет несколько филиалов в мире — Венеция, Берлин и самый знаковый — филиал в испанском городе Бильбао, который с помощью уникального произведения архитектуры превратился из относительно холодной северной провинции (где даже лес из берёзок, как в Сибири) в привлекательный туристический центр с приветливым гигантским щенком Джеффа КУНСА, фрейдовской паучихой Луизы БУРЖУА и другой уличной красотой.

Открытие новых филиалов музея по миру обязательно сопровождается строительством умопомрачительных зданий — для Абу-Даби проект разработал Фрэнк ГЕРИ, по идее которого на искусственном островке появится здание из изломанных зеркальных поверхностей. Пока здание строится, для музея собирают достойную коллекцию произведений искусства XX века. Подобная восточная щедрость ради искусства — это, конечно, солидный пример для подражания.

Тем не менее среди людей искусства прожектёрский разговор на тему «А что если с приходом Сибирской госкорпорации у нас появится много денег, в частности, на культуру?» особенных восторгов не вызвал. В советское время можно было найти людей, «загорающихся» от фантазий на тему светлого будущего, а сегодня оптимистов практически не осталось — только прагматичные комментарии в духе распила территориальных ресурсов, персонального государства и т.п. И это у «поэтов», которые по традиционному сценарию травинки под ногами не считают, а инопланетно наблюдают за мелочной суетой! Впрочем, прагматика — прагматикой, а новые сибирские идеи у красноярских авторов всё-таки водятся.

В опросе приняли участие несколько человек, развивающих современную культуру в Красноярске. Часть из них настаивает на том, что необходимо изменение культурного имиджа сибирского региона в целом; часть имеет конкретные предложения, с помощью которых эти изменения и могли бы произойти. Уточняя предмет разговора, собеседникам предлагалось назвать проекты, которые давно хотелось бы реализовать, но всё время не хватало денег.

Станислав ОКРУХ, креативный директор агентства «SmartHeart», занимающегося умным дизайном и рекламой.

Станислав некоторое время назад жил в Красноярске, преподавал в Красноярском государственном художественном институте. Несколько лет назад агентство переместилось в Москву, но о продвижении бренда «Сибирь» отнюдь не забыло.

«Нам не хватает серьёзного музея современного искусства, с должным подходом к кураторству и привозу современных, актуальных авторов.

Нам не хватает креативных площадок, подобных дизайн-заводу «Флакон» (комплекс пространств недалеко от центра Москвы, призванный объединить дизайн, моду, архитектуру и другие направления творческого бизнеса — www.flacon.ru), так называемого креативного кластера. Мы задумываемся о создании подобного проекта, но пока это только проект…

Так же нам не хватает серьёзного фестиваля рекламы и дизайна для развития отрасли, которая находится в полной стагнации.

Следует подумать и о территориальном брендинге, развитии сибирской идентичности. Страничка на www.facebook.com/imSiberian — наша попытка вместе с новокузнецким агентством «Power» решить данную задачу».

Сергей КОВАЛЕВСКИЙ, зам. директора Красноярского музейного центра, куратор красноярской музейной биеннале — одного из центральных имиджевых культурных событий края.

«Если говорить об имиджевых жестах — для концентрации регионального самоопределения в системе глобальных вызовов требуются художественные знаки идентичности, подобные «Ангелу Севера» Энтони ГОРМЛИ. В Красноярске мы уже опробовали современный язык визуализации творческой мысли в пространстве.

Из накопленного банка идей и опытов — например, «Потерянная бесконечность» Александра КОНСТАНТИНОВА (знак бесконечности на противоположном от здания Красноярского музейного центра берегу Енисея с дорожным знаком-указателем «Бесконечность столько-то метров» и пешеходной зеброй — прим. автора). Важно понимать и удерживать несколько масштабов. Как минимум — города и реки Енисей (потенциального смыслового стержня территории).

Помимо значимых арт-объектов Новой (глобальной) Сибири требуется яркая архитектурная икона для института культурной инновации. «Эпицентр-Бастион-РЛС» (*Радиолокационная станция — прим. автора*) культурного влияния на город, край, Сибирь, Россию, мир.

А также — концептуальный парк как модель «невозможного» российского ландшафта.

Если переходить к «человеческому» масштабу искусства, сначала нужно сформировать минимальный комплект музейной коллекции современного искусства интернационального уровня, где должны оказаться достойные представители ведущих художественных стратегий современности, хотя бы второй половины XX века.

А с другой стороны — надо приобрести выдающиеся работы художников, живших и живущих в Сибири — некоторое количество достижений имеется».

Алексей МАРТИНС, молодой художник, куратор.

«Говорить нужно даже не об отдельных проектах, а о формировании системы. Хотелось бы заимствовать из пермского подхода сам принцип: культура прежде всего. А экономика, бизнес и материальные блага — подтянутся следом сами. Соответственно, нужно вбухать деньги в культурную политику. Формировать креативный кластер. Открыть музей дизайна. Создать сибирскую арт-резиденцию, летнюю, конечно, куда приглашать знаменитых художников (вместе с незнаменитыми, чтобы они опытом обменивались). Чтобы вся Россия знала — летом все художники в Сибири. Правильно было бы и позаботиться о художественном образовании. Не знаю, хорошо или плохо модернизировать существующую образовательную систему, но все знают, чем она страдает сегодня. Возможно, нужно создавать альтернативное художественное образование. В арт-бизнесе также должны произойти изменения: для бизнесменов в сфере искусства нужно сделать существенные налоговые скидки, чтобы им давали помещения без арендной платы на сколько-нибудь лет, чтобы было выгодно открывать галереи. Если будут появляться и жить здесь многие культурные деятели — само по себе всё начнёт появляться».

Василий СЛОНОВ, художник.

«Произведений, которые мечталось сделать, но средств не хватало, — много, придумываются постоянно. Как-то Райнера ДЕМПФА. Подробнее смотреть http://partizaning.org/?p=27 — прим. авт.)

Вадим МАРЬЯСОВ, архитектор, дизайнер, художник. Человек, у которого в голове — целый пакет идей для реализации, а денег на них часто действительно не хватает.

«Проект «Относительная плотность. Преодоление границ». Создать несколько масштабных кубов из разных материалов: картон, дерево, металл, кирпич, вата — неважно, каких материалов и сколько этих кубов будет. Суть в том, что человек на сегодняшний день обладает инструментарием пройти через любую плотность: ножом прорезать картон, пилой — дерево, автогеном — металл, отбойным молотком — кирпич. Это что касается механической части проекта. Символическая концептуальная часть в том, что преодоление материальное — доступно. Вроде бы человек обладает инструментарием преодолевать любые видимые границы. А вот через какие-то эфемерные границы пройти очень сложно. Там, где плотной границы нет, нечего преодолевать. Нет границы — нет, казалось бы, и препятствия. Но наибольшая проблема для человека — это не видимый барьер, который так или иначе можно преодолеть, а границы, которые существуют в ментальном плане. Там никакое суперсредство не поможет преодолеть барьер.

Относительная плотность — метафора того, что очень плотное преодолеваемо, а то, что не имеет плотности (мысль) — непреодолимо. Мы можем преодолеть горы, но не можем решить психологические проблемы….

Не получалось воплотить проект как раз потому, что ориентировочная его стоимость — около десяти миллионов рублей. Примерно столько же стоило создание «Пермских ворот» Николая ПОЛИССКОГО».

↑ Проект музея Гуггенхайма в Абу-Даби.

→ Агентства SmartHeart и Power

→ Пермские ворота, Николай Полисский

↓ Ангел Севера, Энтони Гормли

↙ Delete!

↙ Там вдали, Александр Константинов

Итак, в Сибири необходимо:

>> Создание сети культурных институций. Во-первых, так и не завершено дело о строительстве здания для Красноярского художественного музея, где можно было бы увидеть картины таких художников, как Ю. ХУДОНОГОВ, Ю. ДЕЕВ, А. ПОЗДЕЕВ и др. То есть значимых местных художников, представленных более менее полноценно и постоянно. Во-вторых, необходимо создание музея современного искусства, причём важно собрать для него достойную коллекцию. В-третьих, правильно было бы создать также и Музей дизайна. Не говоря уже о галереях и иных институтах культуры.

>> Много разговоров ведётся о необходимости «креативного кластера» — синтеза финансовой обеспеченности, динамичных методов бизнеса и потенциала культуротворческих личностей в индустриальном пространстве. В российских столицах подобных институций за последнее время открылось достаточно — Винзавод, Арт-Стрелка, Арт-плей, Красный Октябрь, упоминаемый выше «Флакон» и др. Возможно, в скором времени в Красноярске появится что-то подобное: желающих включиться в эту историю огромное количество.

>> Установка произведений паблик-арта, актуальных для Красноярска и Красноярского края, которые стали бы знаковыми для местных жителей и могли хотя бы в летнее время стать точками притяжения туристов. А также проектирование интересных кураторских проектов в визуальных искусствах.

>> А ещё хорошо бы развивать сибирский кинематограф. Ведь известно, что кино — один из наиболее эффективных инструментов по сотворению социальных ценностей и идеалов, а в Красноярске даже режиссёрских / операторских / сценарных курсов — негде закончить.

Александра СЕМЁНОВА